

Избранник

Николай Романов

Регент

«Автор»

2010

Романов Н.

Регент / Н. Романов — «Автор», 2010 — (Избранник)

Если ты претендуешь на трон Росской империи, то тебе предстоит стать участником восстания. Если тебя предали, то ты пожелаешь узнать имя предателя. Если тебя бросила любимая девушка, то нужно разобраться, по какой причине. И тогда тебе придется отправиться на столичную планету, чтобы самому разобраться во всех насущных проблемах. Но если тебя при этом зовут Остромир Приданников и ты, будучи «росомахой», не желаешь большого кровопролития, тебе придется отыскать нетрадиционный способ схватки со своими врагами.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	20
Глава седьмая	21
Глава восьмая	23
Глава девятая	27
Глава десятая	28
Глава одиннадцатая	31
Глава двенадцатая	34
Глава тринадцатая	36
Глава четырнадцатая	38
Глава пятнадцатая	40
Глава шестнадцатая	47
Глава семнадцатая	49
Глава восемнадцатая	51
Глава девятнадцатая	54
Глава двадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Романов

Регент

*Тем, кто продолжает нас любить...
вопреки всему...*

*Когда незнающий избранник
Свой путь во мгле пустой найдет,
Дотоле незабвенный странник
В страну забвения уйдет.*
О. Приданников

*Коль своему доверился уму -
В колонну, друг! Вперед! По одному!*
О. Приданников

Пролог

«Ну, это мы еще посмотрим, насколько он таков! – подумал Владислав Второй, откидываясь на спинку кресла. – И таков ли вообще... Главное, не тянуть с розыском! И чтобы максимальное внимание уделили!»

Его величество император российский сидел в своем рабочем кабинете, зажав в кулак бородку клинышком, и в который уже раз перечитывал письмо, присланное ему по защищенному каналу неведомым адресантом.

Впрочем, доступ к этому каналу связи имело столь ограниченное количество граждан Российской империи, что инкогнито сохранять адресанту придется недолго.

Именно по этой причине был вызван к государю-императору граф Василий Илларионович Толстой, глава министерства имперской безопасности.

Впрочем, граф о причине вызова пока не знал и, наверное, всю ломал сейчас свою седую голову, пытаясь понять, чем обусловлена внеочередная аудиенция. Ведь проблемы, за решение которых отвечало министерство, они с императором только вчера обсуждали...

Анонимное письмо было очень коротким.

«Ваше императорское величество! – гласило оно. – Будучи лояльным гражданином Российской империи, не могу не сообщить вам о слухах, которые в последнее время циркулируют в определенных кругах. Согласно этим слухам, у Вашего Величества имеется незаконнорожденный наследник».

Прочитав украшавшие видеопласт строчки в очередной раз, Владислав снова откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул. Глаза его невидяще пробежались по многочисленным шпалерам, украшающим стены кабинета.

Проблема наследника была для императора (да и для всей Империи) притчей во языцех.

Сын, которого подарил в конце концов матушке-императрице Господь, оказался болен редкой и жуткой болезнью, которую не смогли излечить ни местные врачи, ни залетные медицинские светила, отвечающие за здоровье Тима Бедросо, мерканского Вершителя, личного друга русского императора.

Возможно, стоило бы обратиться к новобагдадским или фрагербритским медикам, которые в своем деле также собаку съели, но это было опасным прежде всего для самого Владислава. Пускать врагов во дворец – смерти подобно; отправлять цесаревича лечиться за кордон – глупость не меньшая. Прогерию-то, возможно, и вылечат (что, кстати, далеко не факт!), но кто вернется на Новый Санкт-Петербург под личиной выздоровевшего Константина – одному дьяволу ведомо. Не придется ли пасть императору от руки сына, который на самом деле сыном уже и не будет?... Тут сто раз макушку поскребешь!

Так и зачах Константин, состарился в течение нескольких лет, угас, будто свечка, да и почил в бозе.

То ли наказание Господне за грехи родительские, то ли...

И ничего не поделаешь! Тут ломай голову не ломай... Хоть вдребезги разбейся, а пути правильного нет. Коли медицина бессильна, смертные беспомощны.

И остались от сына-наследника только надгробная плита в родовой императорской усыпальнице да хроникальные фильмы, коих средства массовой информации создали великое множество.

Но хронику в императоры не возведешь!..

На пороге возник граф Александр Мстиславович Апраксин, личный секретарь Владислава Второго, крупный мужчина лет сорока пяти, с чисто выбритыми черепом и острым подбородком.

В каждодневных делах император был без него как без рук.

– Ваше императорское величество! К вам его сиятельство Василий Илларионович Толстой.

Государь дематериализовал видеоформу сетевого агента, носившего личину первого древнеросского императора Петра Алексеевича Романова, и стремительно поднялся из-за стола:

– Просите, голубчик Александр Мстиславович! Просите без промедления!

Секретарь кивнул и скрылся за дверью.

Через несколько мгновений на его месте стоял граф Толстой, маленький, сухощавый, серый, будто мышка.

Возраст его определить по внешнему виду было невозможно.

Государь и министр имперской безопасности поприветствовали друг друга рукопожатием.

– Проходи, Василий Илларионович, проходи!

Граф поблагодарил коротким кивком, прошел к столу, сел в кресло.

Он служил короне уже четверть века, был посвящен во все тайны государства, и с ним следовало говорить напрямую, без экивоков.

Владислав Второй вернулся за стол:

– Как здоровье графини Зинаиды Петровны?

– Слава богу, здорова, ваше императорское величество! – Толстой потер бритый, как и у Апраксина, подбородок. – Я слушаю вас, государь!

Да, он совершенно ясно понимал, что вызвал его император по не совсем обычному делу.

– Вот что, Василий Илларионович... Ко мне пришло анонимное письмо следующего содержания. – И Владислав Второй прочитал своему министру полученное сообщение. – Что можешь сказать?

Граф Толстой и глазом не моргнул:

– Вы имеете в виду информационную ценность послания, государь?

– Именно.

Министр чуть пожал плечами:

– По содержанию ничего определенного сейчас сказать нельзя. Раз письмо не подписано, надо прежде всего разыскать отправителя. И только тогда может появиться какой-то материал для выводов.

Император внимательно рассматривал его лицо. Физиономия министра по-прежнему сохраняла железобетонное выражение.

Император прекрасно знал, что у него не может быть незаконнорожденных сыновей. Все его фаворитки являлись девицами достаточно умными и сговорчивыми, и до беременностей дело не доходило, а если вдруг и доходило, то решить проблему удавалось просто и не слишком дорого.

Впрочем, случаев с залетом насчитывалось всего пять или шесть, и все они завершились ко всеобщему удовлетворению. Все, кроме одного.

Графинечка Елена Шувалова, чрезвычайно милое на внешность создание, оказалась совершенно несговорчивой, и с нею пришлось решать проблему непросто и изрядно дороже. Так неужели же все былые труды и расходы оказались бесполезными?...

Другого кандидата в незаконнорожденные наследники император просто не мог себе представить. Он и об этом-то до сегодняшнего дня не вспоминал.

Указания были достаточно строгими: Елену Шувалову подвести под несчастный случай вместе с неродившимся ребенком.

Так неужели ж не довели тогда дело до конца, подлецы! Ну погодите, я вам устрою Варфоломеевскую ночь!

Впрочем, нет, не устроит! Ничего теперь не устроишь!

Деликатное поручение это, помнится, пришлось выполнять графу Хворостову, предшественнику нынешнего министра имперской безопасности. Личность была в совершеннейшей степени преданная короне и ни в каких темных делишках не замеченная, но доверяться любой преданной личности в некоторых делах может только полный идиот. Сейчас бы император и не доверился, всё бы проконтролировал самостоятельно, но ведь тогда он был почти на двадцать лет моложе и романтичнее...

Владислав вызвал на видеопласт личное дело графа Толстого и принялся изучать, время от времени поглядывая на министра.

Тот ждал молча, и физиономия его по-прежнему была словно из камня вырублена.

Пробежав по строчкам дела, император на секунду задумался.

Понять, принимал ли нынешний министр участие в том давнем деле, не представлялось возможным. Сошкой он тогда был не слишком крупной, но как-то быстро сумел продвинуться по административной лестнице.

Отец, надо понимать, помогал, – старик Илларион Силыч Толстой, многолетний председатель палаты высокородных Государственной думы.

– Я хочу, чтобы ты, Василий Илларионыч, отыскал мне автора этого послания, – сказал император, продолжая смотреть на видеопласт. – Непременно отыщи, я хочу на него полюбоваться...

– Живым или мертвым, ваше величество?

– Что? – Владислав Второй перевел взгляд на своего министра и опять смял в кулак бородку.

Граф Толстой смотрел на него ясными глазами.

Заданный им вопрос вовсе не был шуткой.

– Живым, конечно! С мертвых спросу нет, а я непременно хочу с ним побеседовать... Задача ясна?

– Задача ясна! Вы, ваше императорское величество, перешлите мне это письмо, пожалуйста. По закрытому каналу.

Конечно, он не сам будет искать автора, для этого у него есть подчиненные, но сейчас у императора появилось ощущение, что граф Толстой самолично займется поисками анонима.

– Перешлю, Василий Илларионыч. – Император оставил в покое бородку и встал из-за стола, давая понять, что аудиенция закончена. – Прямо сейчас, после твоего ухода, и перешлю.

Они распрощались рукопожатием, и министр имперской безопасности отправился рыть землю. То есть заниматься этой самой имперской безопасностью, ибо дела, связанные с наследованием трона, всегда и непременно оказываются весьма и весьма опасными.

Причем для всех фигурантов, замешанных в деле...

– Вы мне его, Василий Илларионович, из-под земли достаньте! – сказал император в спину уходящему министру. – Очень на вас надеюсь, ваша светлость.

Толстой остановился, повернулся, дернул головой, отдавая честь.

– Будет исполнено, ваше императорское величество!

И скрылся за дверью.

«Этот не просто землю будет рыть, этот всю Галактику перевероршит в поисках», – решил Владислав Второй, выбрался из-за стола и подошел к огромному окну. Отдернул штору.

Внизу раскинулся спящий в эту пору императорский личный садик. Березы застыли с нахлобученными снеговыми шапками. Будто Деда Морозы в задумчивости...

Весной, летом и осенью Владислав Второй любил сидеть на скамейках под этими березами, но сейчас там было зябко и неудобно.

Конечно, ничего не стоило окружить садик силовым забором, оборудовать отоплением и сидеть под березами круглый год. Дворцовый архитектор осуществил бы перестройку за пару дней...

Но зима должна быть зимой.

Если хочется отдохнуть среди деревьев, к услугам императора комнатные джунгли в Андреевском мезонине дворца. А можно отправиться за восемь тысяч километров, в южный дворец, расположенный среди настоящих тропиков Среднего Кавказа. Вот только зачем?...

Нет, зима должна быть зимой.

А министр имперской безопасности должен ловить уродов, собирающихся нанести ущерб империи. А властитель империи должен доверять, но проверять...

– Доверяй, но проверяй, – сказал вслух Владислав Второй, бросил последний взгляд на заснеженные березы, задернул шторы и вернулся за стол.

Он вернулся на место сетевого агента и велел ему переслать письмо в канцелярию министерства безопасности, графу В.И. Толстому, на личный комп.

А потом попросил секретаря вызвать на срочную аудиенцию графа Кушелева-Безбородко, министра внутренних дел Российской империи.

Доверяй, но проверяй...

Часть первая

СТОЛИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА

Глава первая

Когда Осетр вошел в каюту с триконкой «Помещение для особых нужд. Посторонним не входить!» – именно здесь поместили освобожденную из пиратского плена заложницу, – Яна сидела на диванчике, исхудавшая и перепуганная. Услышав его шаги, она подняла голову. Глаза ее расширились.

– Бог мой, Остромир... – прошептала она. – Где же ты пропадал так долго?

Осетру хотелось сказать ей столько, что он не знал, с чего начать.

К тому же в каюте появился один из корабельных медиков, глянул на Осетра предупреждающе.

И разговор получился скомканный и очень короткий.

– Все будет в порядке, – успел сказать Осетр.

– Где ты пропадал? – повторила она. – Мне сказали, ты убит. Я, правда, не поверила. Ведь ты – «росомаха», и твоя смерть вполне могла быть ненастоящей. К тому же я чувствовала, что ты жив. Но няня Аня... – Она захлебнулась.

На видеопласте, висящем на стене над диваном, появился какой-то символ, недоступный пониманию обычного человека, но достаточно говорящий медику.

Тот быстро положил руку на плечо Осетра:

– Пора, господин капитан. Вы расстраиваете ее!

И господину капитану пришлось покинуть каюту, ибо он понял, что беспокойство медика не надуманное и не обманное.

А поговорить с Яной еще удастся – как минимум несколько дней они оба будут находиться на борту «Святого Георгия Победоносца», и время для разговора непременно отыщется.

И тогда он узнает у нее все. И прежде всего то, как ее сумели захватить пираты.

Чтобы такое больше никогда не повторилось.

И такое больше никогда не повторится.

Уж он об этом побеспокоится.

Глава вторая

Едва они с Найденом вышли из кают-компания, как к Осетру подошел мичман-посыльный.

Отдал честь:

– Господин капитан! Вас вызывает к себе начальник медицинской части. Немедленно!

Осетр, собравшийся встретиться наконец с членами своего отряда – поскольку абордажа при захвате малого вражеского транссистемника не потребовалось, то десантники-«полуросомахи» к операции не привлекались – и заняться повседневными делами, тут же сменил курс и отправился к капитану третьего ранга Константину Сибирских.

Тот факт, что за ним отправили посыльного, а не вызвали по говорильнику, обещал неожиданности.

И предчувствие оправдалось.

Разговор с главным медиком оказался неприятным, поскольку случилось то, чего Осетр и предположить не мог.

Нет, он, разумеется, не надеялся, что героя-«росомаху» все сразу начнут носить на руках. Но и такой подлянки не ожидал.

– Я настаиваю на том, чтобы ближайшие сутки вы, Башаров, отдохнули от несения службы. Ваши подчиненные вполне способны справиться сейчас со своими обязанностями и в отсутствие командира. Да и личных контактов вам стоило бы какое-то время избегать.

Осетр опешил:

– Но с какой стати, господин капитан третьего ранга? Пираты обходились со мной достаточно мягко, никакого вреда здоровью не причинили. – Осетр снял берет. – Не то что с сержантом Концевым, царствие ему небесное. – Он вернул головной убор на место. – Я превосходно себя чувствую! Хоть сейчас в бой!

Сибирских покачал головой:

– А после небольшого отдыха, боевой мой, вы будете себя чувствовать еще прекраснее. Я настаиваю, Башаров! Добровольно последуете моим рекомендациям или вам требуется приказ капитана корабля?

Спорить, понятное дело, было совершенно бессмысленно. Это в бою медики тебе подчиняются, а вне боя – ты им. И необходимый Сибирских приказ каперанга последует немедленно, едва только начальник медицинской части «Победоносца» доложит Приднепровскому о своем решении.

Деваться некуда, «росомаха»...

– Последую добровольно, – вздохнул Осетр.

– Вот и прекрасно! – Главный медик позволил себе легкую улыбку, в которой читалась только исключительная забота о ближнем. – Что же касается кратковременных личных контактов... Пожалуй, вас может посещать ваш заместитель. Но никаких деловых проблем!

– А можно... – Осетр оборвал себя.

Нет, говорить о Яне с этим коновалом бессмысленно. Откажет. И наверняка объяснит, что, запретив свидание с девушкой, беспокоится исключительно о здоровье пациента.

Ну и ладно! Жаль, конечно, – сейчас бы перекинуться с Яной десятком-другим фраз, успокоить ее до конца, а то она словно и не верит, что ее вытащили из грязных пиратских лап.

Честно говоря, чтобы избавить девушку от страха, Осетр бы просто воспользовался своей туманной силой.

Ведь наверняка, коли способен внушить человеку необходимость нужных тебе действий с его стороны, то и от страха избавить можно. Вот только остались ли с Осетром его необычные возможности? Случившееся с пространственной бомбой – это вам не котенок накакал!

– Нельзя! – ответил Сибирских на оборванный вопрос, с трудом сдерживая улыбку. – Лишние волнения не нужны ни вам, ни спасенной! Нарушите мой приказ, упеку под арест, в корабельный лазарет! И не на одни сутки, а на трое как минимум!

– Слушаюсь, господин капитан третьего ранга! – отчеканил Осетр и отправился в отведенную ему новую каюту.

Скинул ботинки, улегся на койку, закинул руки за голову.

Значит, главный медик разрешил посещать капитана Башарова только старлею Мормышеву... Ну и ладно, Найден так Найден! Раз судьба не дает нам иных возможностей, на заместителя мы и проверим, что у нас в загашнике осталось! Как на нас повлияла нейтрализация бомбы при бегстве пиратского транссистемника...

Он вдруг заметил эти словечки. «Нам», «нас», «мы»...

Ишь ты, какие мысли завелись у «вас», молодой человек! Почти «Мы, Остромир Первый»! Или это будет уже не первый Остромир?

Он поднялся с койки, прошелся по каюте, покачал головой.

Не рано ли пташечка запела?...

До трона семь верст чесать – да все сплошным буреломом!

И вообще, после того, что случилось с Яной, надо еще сто раз подумать, каким образом себя вести впредь. Ибо совершенно ясно одно: слишком близкие к нему люди будут постоянно находиться в смертельной опасности. По крайней мере, пока он не займет трон и именно на него не начнут работать все службы страны, на которых лежит забота о безопасности нового императора и его домашних.

Хотя какие тут домашние! Одни знакомые...

Осетр снова вспомнил встречу с девушкой, когда он ворвался в каюту, куда ее поместили.

Яна очень обрадовалась ему, и это вовсе не была радость измучившейся в неведении заключенной,ждавшей наконец-то освободителя. Нет, она радовалась именно ему, Остромиру, своему парню – тому, с кем гуляла по пляжу Дивноморья, с кем летала на концерт в соседний город, с кем целовалась ночью втайне от няни. И не только целовалась...

Тем не менее страх жил в ее душе, и короткий первый разговор не смог избавить ее от этого чувства...

Но, видишь ли, врачи не дают поговорить... Медицинская аппаратура, следящая за самочувствием пациентки, знаете ли, воспротивилась...

Какие уж тут разговоры?...

В общем, самая первая задача сейчас – разобраться в своих возможностях. Тогда можно будет и дальнейшие планы строить.

Глава третья

Разобраться в собственных возможностях удалось довольно скоро.

Не прошло и двух часов «заточения», как в каюте появился Найден. Осетр только и успел, что заставить себя отдохнуть от раздумий. Выключился, как это умеют «росомахи».

Замкомроты десантников выглядел веселым и энергичным – ведь его командир-подопечный вышел из парламентарского вояжа на Алеут-3 живым, и у Найдена не было никаких оснований расстраиваться из-за бурных событий последнего дня. Главное задание Деда выполнено...

Он коротко доложил о ситуации в отряде десантников, вверенном под начало капитана Башарова. А Осетр, выслушивая доклад, мысленно скомандовал: «Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики».

И тут же обнаружил, что внезапная схватка с поражающими факторами пространственной бомбы настолько лишила его чудесных возможностей, что даже привычная серость на месте Найдена не появилась.

Это было полное фиаско. Но оно ничуть не стало для Осетра неожиданностью. Он даже не удивился.

Привычка, знаете ли... Привычному обычно не удивляются!

Что ж, придется снова организовывать посещение Крестов. Подзарядить «аккумулятор»... А для этого нужно обязательно повстречаться с Дедом. Пусть этот вояж опять станет его заботой.

– Мне кажется, нас с тобой скоро отзовут с борта «География Победоносца», – сказал Найден.

Словно мысли читал.

Говорят, лучшее положение при императорском дворе занимают те люди, которые умеют предугадывать желания властителя... Главное для них – вовремя оказаться в нужное время в нужном месте и сделать необходимое правителю!

Осетр мотнул головой.

Да что ж такое! Экие мысли лезут в голову! Можно подумать, императорская корона уже у бастарда в карм... то есть на макушке!

– Чего головой мотаешь, командир? Полагаешь, не отзовут? Полагаешь, так и будем тянуть лямку на фрегате?

– Не обращай внимания! Это я от забот отмахиваюсь. – Осетр подмигнул. – Раз кап-три Сибирских решил, что мне надо отдохнуть, значит, все должностные проблемы побоку. Лежи кверху пузом и не рыпайся...

Найден мгновенно помрачнел:

– И в самом деле... Он же меня специально предупредил. А я тут с глупыми вопросами...

Он сконфузился, виновато почесал затылок и через пару минут совсем уж пустого трепаретировался.

Осетр снова расположился на койке и вскоре почувствовал, что его неумолимо клонит в сон.

Странно, ведь только что бездумно провалялся!... Обычно «росомахи» после этого чувствуют себя прекрасно отдохнувшими.

Возможно, необычная сонливость была психологической реакцией на пребывание в плену. А может, физической – на «работу» с пространственной бомбой.

По большому счету, конечно, такие «эксперименты» должны делаться под неусыпным контролем медиков, со сдачей разного рода анализов, с томографическими исследованиями,

или как они там называются... Кто знает, может, эти «Магеллановы Облака» – жуткий вред для организма...

Однако ничего не поделаешь, до томографических исследований нам как до... Магеллановых Облаков! Можно, конечно, напроситься на эти исследования, да только «росомахи», так не поступают. С точки зрения любого «росомахи» ничего с ним, Осетром, не случилось! Ну побывал в плену... Так ведь не пытали, не мучили... Не бегал по джунглям-пустыням, не перенапрягал мускулы рук-ног и сердечную мышцу, не жил неделями впроголодь, не пил, задерживая дыхание, болотную воду... Небось, каперанг Приднепровский велел главному медику дать пару дней отдыха, сам бы Сибирских никогда о «росомахе» не озаботился.

Эти гвардейцы, господин капитан первого ранга, ребята железные, для них все плены и схватки – мелочь...

Заснуть Осетру не дали.

Люк в каюту дематериализовался, и через комингс перешагнул сам капитан корабля.

Осетр вскочил с койки, но Приднепровский махнул рукой:

– Лежите, Башаров, лежите!

Следом за командиром в каюту никто не вошел, и Осетр понял, что разговор его ждет из тех, что происходят с глазу на глаз.

– Это по моему приказу Сибирских упек вас на внеочередной отдых. – Каперанг обвел взглядом каюту, как будто впервые очутился на борту военного корабля.

Осетр ждал продолжения.

– Я получил из Адмиралтейства приказ немедленно откомандировать вас и старшего лейтенанта Мормышева на Дивноморье, в распоряжение полковника Засекина-Сонцева.

Осетр кивнул, хотя это объяснение совершенно не объясняло, с какой стати его упекли едва ли не под домашний арест.

– Более того, мне приказано объявить капитана Башарова погибшим при исполнении воинского долга в схватке с пиратами и доложить об этом по всем флотским каналам. Вашей десантной роте уже объявлено о случившемся.

«Яна!» – восторженно вскрикнул Осетр и вскочил с койки.

– А девушке... А заложнице... А княжне Чернятинской?

Приднепровский чуть помрачнел:

– Заложнице мы пока ничего не говорили. Никаких приказов не поступило. Тут решать вам самому, капитан.

– Я понимаю... – Осетр задумался.

Конечно, ему жутко хотелось снова увидеть Яну.

В конце концов, он это заслужил. Так повелось испокон веков: мужчина, спасший женщину, всегда получает приз. Жаркие объятия, страстные поцелуи, слова признаний, произносимые громким шепотом. И плевать на чужие уши!

Так оно все выглядит в немногих мелодраматических фильмах, которые ему довелось увидеть.

Но Остромир Приданников – не артист мелодрамы. Вокруг не съемочные декорации, а реальная жизнь, со всеми ее сложностями и потенциальными угрозами. И, наверное, лучше всего сейчас с Яной не встречаться. И ему будет спокойнее, и ей. А оказавшись на Дивноморье, от немедленно отправит ей сообщение на домашний адрес. Так будет лучше всего. Легче всего. Правильнее всего. Безопаснее всего. И не только для них двоих.

– Вы не говорите княжне Чернятинской, что я погиб, господин капитан первого ранга. Скажите, что мне придется выполнить срочное задание государственной важности и что для моей же безопасности она не должна задавать лишних вопросов и рассказывать кому-либо о том, что с нею случилось. Даже родителям. Они, конечно, будут допытываться. Надо бы им помочь... с осознанием ситуации.

– Понимаю. – Каперанг одобрительно кивнул. – Для своего возраста вы удивительно мудрый человек, Башаров...

«Да ладно вам будущему правителю жопу лизать!» – хотел было сказать Осетр с досадой. Однако промолчал.

Наверное, потому, что такая реплика стала бы откровенно немудрой. А показать Приднепровскому, что он ошибается в оценке капитана Башарова, было бы еще более немудро.

– В общем, все правильно, капитан. Сначала государственные дела. Личные проблемы мы все будем решать потом.

– У вас есть семья?

– Нет.

– А если бы была?

– Если бы была... – Каперанг тяжело вздохнул. – Я вам честно скажу, капитан... Если бы у меня была семья, я бы сто раз подумал, что для меня важнее. И если бы посчитал семью, то ушел с государственной службы... Но давайте о делах. – Приднепровский перешел на официальный тон. – Через несколько часов «Святой Георгий Победоносец» и призовой пиратский эсминец берут курс на базу «Орион». Там будет организована скрытная эвакуация вас с борта фрегата на Новый Санкт-Петербург. До момента эвакуации, как вы понимаете, придется провести время в этой каюте. Вас никто не должен видеть. Это вопрос безопасности и конспирации.

– Понимаю.

– Старший лейтенант Мормышев будет откомандирован в столицу явным порядком. В Петрограде вы встретитесь и дальше, на Дивноморье, проследуете уже вместе. А там, как я уже сказал, поступите в распоряжение полковника Засекина-Сонцева. Вам все ясно, Башаров?

– Так точно, господин капитан первого ранга!

– Вот и прекрасно! – сказал Приднепровский. – Отдыхайте! До момента эвакуации с вами будет в контакте только старший лейтенант Мормышев.

И каперанг покинул каюту.

А Осетр задумался.

Глава четвертая

Граф Василий Илларионович Толстой, министр имперской безопасности Российской империи, сидел в своем рабочем кабинете, вознесенном на самый верх здания министерства, и разглядывал висевший перед столом видеопласт.

На видеопласте замерли строчки анонимного письма, из-за которого министра вызывал к себе сегодня государь-император.

Сетевого агента, носящего личину Павла Григорьевича Курлова¹, Толстой выключил – задание, полученное от государя, должно было выполняться с особой аккуратностью и особым уровнем секретности. Иначе можно и головы не сносить.

Василий Илларионович, представитель одного из древнейших дворянских родов, выпустивших в мир множество великих людей – от писателей до маршалов – занимался таким родом человеческой деятельности, который требовал одновременно и смелости, и осторожности.

Разведка и контрразведка – силовой столп любого государства, наряду с полицией, армией и космическим флотом.

Конечно, к этой компании непременно надо еще добавить науку и промышленность – только с развитостью всего набора страна способна обрести подлинное могущество. Каждая из составляющих важна, но самое главное место занимает охранная деятельность, поскольку все остальные составляющие входят в сферу ее интересов и неусыпной заботы.

Так считал граф Толстой, и за все время службы российской короне у него не было случая, который заставил бы его усомниться в справедливости этого постулата.

Наоборот, он давно уже убедился: если имперская безопасность вдруг ослабляла внимание на каком-то из направлений своей работы, оттуда непременно приходила угроза – как всей империи, так и самому министерству.

Ведь кому многое дано, с того многое и спрашивается.

Долго просидеть в кресле министра имперской безопасности удавалось немногим смертным, однако граф Толстой был как раз из этих редкостных чиновных людей. Впрочем, любому из них понятно, каких трудов и каких хлопот стоит такая стабильность положения...

Поэтому, поразмыслив еще некоторое время, граф взялся за виртклаву компа и по особо защищенному каналу связался с абонентом, известным в министерстве имперской безопасности лишь одному его главе.

Разговор продолжался не более минуты, после чего Толстой вызвал в кабинет своего заместителя, тоже графа, Ивана Мстиславовича Охлябина – личность не менее примечательную, чем сам министр.

Иван Мстиславович достался Толстому от прежнего министра имперской безопасности. Конечно, сказать, что два графа жили душа в душу, было бы преувеличением, но и острых конфликтов, когда приходится делать выбор – оставаться вместе или нет, за время общей работы между ними практически не возникало. В административной жизни это называется «сработались». Немаловажный, кстати, фактор успешной деятельности любой организации...

Почему на место прежнего министра Хворостова не назначили Охлябина, Василий Илларионович Толстой не знал.

Однако, наверное, у государя и премьера имелись на то свои причины. Да и отец Василия Илларионыча, Илларион Силыч Толстой, тогдашний многолетний председатель палаты высо-

¹ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) – полицейский руководитель Российской империи, генерал-лейтенант, губернатор киевский, минский, товарищ министра внутренних дел и главноначальствующий отдельного корпуса жандармов (1909–1911).

кородных Государственной думы, надо полагать, подсуетился. О чем сообщил сыну только на смертном одре. Наверное, не хотел, чтобы министр чувствовал себя обязанным старику...

В первые месяцы Охлябинин немало помогал новому начальнику освоиться на только что занятой должности. Он умело тянул свою лямку, и, присмотревшись, граф Толстой решил оставить графа Охлябина на его месте – тот, судя по всему, совершенно не стремился под- сидеть своего начальника. Но даже от Охлябина министр имел кое-какие секреты...

– Слушаю, Василий Илларионыч! – Граф Охлябинин появился в кабинете министра и застыл метрах в пяти от дверей.

Он никогда не подходил к столу Толстого, если тот не приглашал.

Министр посмотрел на его сверкающий череп – Охлябинин брил голову, и его шишко- ватый череп напоминал коленку неведомого монстра.

– Вот что, Иван Мстиславович... У меня тут появились срочные дела, и я должен на время покинуть стены министерства.

Охлябинин молча кивнул.

Раз министр не заикается о характере срочных дел, то и вопросов возникать не должно. Как говорится, сильные работают начальниками, слабые – подчиненными, а умные – замести- телями...

– Отмените, пожалуйста, все аудиенции, которые назначены на ближайшие три часа. Извинитесь перед людьми. Если потребуется перенести и дальнейшие встречи, я вам немед- ленно сообщу.

Охлябинин снова молча кивнул и покинул кабинет шефа.

А граф Толстой вышел в заднюю дверь, поднялся специальным лифтом, которым могли пользоваться только штатные мибовцы, на крышу министерства и сел в кабину персонального «колибри».

Тут же неподалеку появились двое мужчин в штатском, ринулись к стоявшим чуть в стороне одноместным флаерам модели «стриж».

Это было положенное министру сопровождение.

Толстой вызвал по говорильнику начальника министерской охраны:

– Подполковник, охрана мне в полете сегодня не потребуется. Отзовите своих людей, они только будут привлекать лишнее внимание.

Хоть это и являлось нарушением установленного порядка, но попробуй возрази своему руководителю!..

Через несколько мгновений пилоты «стрижей» ретировались с крыши назад, в дежурное помещение.

А граф Толстой подождал, пока ИскИн «колибри» установит связь с ИскИном-диспет- чером транспортной системы столичного города, потом поднял машину в воздух и отправился на северо-восток от здания министерства.

Глава пятая

За столиком кафе, расположенного в одном из подвальных Кузницы, пригорода Нового Санкт-Петербурга, сидели двое мужчин.

Одним был граф Василий Илларионович Толстой, другим – молодой человек лет двадцати пяти.

Все в нем казалось каким-то малоприметным – бритый подбородок, довольно короткие волосы, одежда серых оттенков. Впрочем, одеваясь так, он выполнял волю министра имперской безопасности, который еще при возникновении между ними деловых отношений посоветовал своему партнеру ни в коем случае не привлекать к себе внимание.

Василий Илларионович, не теряя времени, поедая харчо, совмещая встречу с обедом (кто знает, удастся ли пообедать позже?); молодой же человек пил кофе, объединив сей процесс с выкуриванием сигареты.

Кроме того, молодой человек заметно нервничал. Граф же выглядел уверенным в себе на двести процентов. Со стороны можно было подумать, что встретились живущие порознь отец и сын и старший учит младшего жизни.

Впрочем, пара внимательных глаз могла бы заметить, что «отец» периодически посматривает в сторону входа, оценивая появляющихся в кафе клиентов. И успокоенно отворачивается. А пара внимательных ушей уловила бы следующий диалог:

– Мне нужно, чтобы вы определили, кто мог послать это письмо. Текста самого письма в файле нет. Исключительно сопутствующая информация.

– Но если содержание письма поможет мне в...

– Не поможет! Иначе бы я вам его сообщил.

К столику подошел официант, принес графу Толстому второе. Собеседники замолкли. Официант собрал освободившуюся посуду.

– Мне бы еще чашечку кофе, – попросил молодой человек.

Официант величественно кивнул и удалился.

– Да, я давно понял, что во время выполнения ваших заданий лишнего лучше не узнавать. – Молодой человек раздавил окурок в пепельнице и немедленно закурил новую сигарету. – Да и о самих заданиях, выполнив их, лучше сразу забывать.

Граф усмехнулся и взялся за вилку:

– Именно поэтому я с вами, мой милый, так долго и работаю. – Он примерился, с какой стороны лучше приступить к отбивной, но остановил свой выбор на гарнире. – Вы – грамотный и неболтливый хакер. Таких специалистов еще поискать надобно!

– И тем не менее при малейшей опасности вы мною тут же пожертвуете. – Молодой человек усмехнулся, однако усмешка его выглядела вымученной.

– Ну что вы! – Граф тоже усмехнулся. – Ваши услуги мне еще долго будут необходимы. Хорошие хакеры на дороге не валяются. Так что причин беспокоиться за свою безопасность нет. В случае чего приказ охранять вас получают лучшие оперативники министерства безопасности.

Официант принес кофе.

Граф продолжал ковыряться в гарнире, словно игнорируя мясо.

– Но в случае другого чего, не менее лучшие оперативники получают приказ ликвидировать меня, – сказал молодой человек, когда официант удалился.

Граф наконец отрезал кусочек мяса, положил его в рот и увлеченно стал жевать, определенно получая удовольствие.

– Не ссы, Медведь! – сказал он грубо. – Прорвемся! – И тут же снова заулыбался, будто пожалел о грубости. – Сызмальства люблю есть гарнир отдельно.

Медведем этого молодого человека звали в среде других хакеров. В базе данных графа Толстого он числился совсем под другим оперативным псевдонимом.

Кузнец. Потому что жил в Кузнице.

– Как я получу письмо? – спросил Медведь-Кузнец. – По почте? Или?...

Граф отложил вилку и нож, достал объемистое портмоне и вытащил из кармашка бледно-голубой кристалл.

– Вот это письмо. Сетевой почте такие вещи лучше не доверять. И они целее будут, и те, кто с ними работает.

Молодой человек переложил голубую искорку в маленькую коробочку, извлеченную из нагрудного кармана жилета, и отправил коробочку на прежнее место.

– Суток хватит, Медведь?

– Хватит. – Собеседник графа глубоко затянулся и стряхнул наросший столбик пепла в неглубокую чашу пепельницы. – И в самом деле, я – хороший хакер. Скажу не хвастаясь. Не цените вы меня.

– Разве? – Граф опять улыбнулся. – А по-моему, больше, чем у меня, ты зарабатываешь разве что на подпольных взломах. И там тебя, кстати, охранять никто не станет. – Улыбка стерлась с лица графа. – Значит, завтра в это же время... В трех кварталах отсюда есть кафе «Верблюд»...

– Да, есть. Знаю.

– Вот там и встретимся. И больше о делах ни звука.

Граф вернулся к бифштексу. А хакер принялся за кофе, перемежая глотки новыми сигаретными затяжками.

Настроение у Василия Илларионыча стремительно улучшалось.

Все-таки не зря он полгода назад вывел этого молодого человека из-под удара. Иначе бы тому засветился немалый срок. Но вот не засветился.

Зато проколовшийся хакер попал к Толстому на крючок. Пришлось, правда, приложить некоторые усилия для этого, ну да для дела не жаль никаких усилий... Конечно, в министерстве имперской безопасности есть свои, весьма квалифицированные хакеры. Но далеко не все можно поручать хакерам министерства. Бывают случаи, когда с ними шила в мешке не утаишь. И сейчас именно такой случай. Конечно, кто-то подумает: вот, мол, граф, министр, а самостоятельно занимается оперативной работой... Подчиненные-то, мол, на что?

Но не все допустимо поручать подчиненным. И не всем из подчиненных можно легко закрыть рот. А этого комара прихлопнуть – как два пальца об асфальт!

Но пока живи, медведь-комарик! Еще не раз пригодишься!

– Интересно, – сказал граф, – почему этот городок называется Кузница? Ведь когда наши предки осваивали эту планету, кузниц как таковых давно уже не было. В лучшем случае, кузнечные цеха на заводах...

Медведь молча пожал плечами – топонимические загадки волновали его гораздо меньше, чем электронные адреса неизвестных писемописателей. А если быть честным до конца, так не волновали и вовсе.

Глава шестая

Новость о том, что Дед ждет своих подчиненных на Дивноморье, несла по крайней мере одну положительную информацию: серьезной угрозы заговорщикам со стороны противника пока нет. Иначе бы резиденция полковника Засекина-Сонцева наверняка «сменила место жительства». Хотя...

Хотя, если все работники резиденции закодированы, серьезного провала вряд ли можно бояться. Даже если противники решатся произвести аресты, им достанутся только теплые трупы, которые никаким способом не удастся оживить... Не создано еще методик, способных вернуть жизнь умершему от кодирования. Разве что он, Осетр, тут кое на что способен. Хотя бы не дать закодированному умереть. В допросном деле ему, Осетру, просто цены нет. Любую бы информацию выкопал у арестованного!

И тут он хлопнул себя по лбу.

Мастер допроса, ржавый болт тебе в котловину! А если сторонники императора сцапают тебя самого?...

А вот тут вполне могут возникнуть проблемы. Расколют тебя, бесценный ты наш!..

Это было неожиданное и крайне неприятное открытие.

Интересно, почему Дед не предложил ему поставить ментальный блок? Неужели уверен в стойкости капитана Башарова? Или попросту забыл? Да нет, это невозможно. Причина в другом...

Однако сколько он ни ломал над этой странностью голову, так объяснения Дедовой «забывчивости» и не нашел.

Не могло ее существовать, этой забывчивости! Дед никогда и ничего не забывал. И раз о блоке не зашло речи, объяснение существует только одно: ментальный блок у капитана Башарова давным-давно стоит. Еще с тех пор, когда он назывался кадетом Приданниковым. То есть со времени первого посещения Крестов. А во время второго посещения блок, вполне возможно, слегка подновили.

Так что с памятью у Деда все в полном порядке. А вот у него, Осетра, совсем не в порядке с профессионализмом. Почему он с самого начала, когда его только привлекли в организацию заговорщиков, не задал Деду вопрос насчет блока?

Вполне возможно, что и ответ бы тут же получил.

Глава седьмая

По пути к базе «Орион» ничего не случилось. Не считать же заслуживающими внимания вернувшиеся прыжковые сны, дополнительно подтверждающие исчезновение у Осетра необычных способностей!

В промежутках между прыжками Осетр откровенно маялся от безделья.

Безделье – экстраординарное состояние для «росомахи», привыкшего годами быть занятым от подъема и до отбоя. Приходилось развлекаться выполнением упражнений пассивного тренировочного комплекса, а также поддерживать рабочее состояние мышц растяжками и отжиманиями от пола. «Заключение» скрашивал и Найден, приносивший еду и занимавший командира деловыми и пустопорожними разговорами.

Пока Осетр обедал, Найден присматривался к нему, будто оценивал. А может, и действительно оценивал.

Возможно, он попросту не ожидал той выходки, какую позволил себе Осетр во время спасательной операции на Алеуте-3. Возможно, он был уверен, что придется атаковать пиратскую базу с помощью высадки десанта, стремительным ударом по вражеским позициям, и ему, старшему лейтенанту Мормышеву, придется прикрывать своего командира собственной грудью, и тогда он будет горд от осознания своей нужности, от понимания того, что выполняет конкретное, очень нужное задание, и полагается ему оттого воинское, ратное счастье...

Впрочем, так мог думать старший лейтенант Мормышев, но не капитан Барбышев, скрывающийся под личиной недалекого старлея.

Капитан же Барбышев вполне мог размышлять о том, каким образом удалось спастись командиру от плена, когда малый транссистемник, пилотируемый главным пиратом, ринулся в неожиданный прыжок.

И почему не рванула при этом пространственная бомба, отрезая преследователей от малого транссистемника? И каким образом удалось с такой потрясающей легкостью захватить «Горный орел»?

Именно об этом наверняка и думал капитан Барбышев, но как истинный профессионал он не собирался задавать командиру мучающие его, Барбышева, непрофессиональные вопросы.

Вместо них он спросил совсем о другом:

– Интересно, за каким дьяволом мы так срочно потребовались Железному Полковнику? Не сечешь орбиту?

– Железному Полковнику?... – не понял Осетр.

Найден удивленно глянул на него, но тут же скрытал удивление под маской безмятежности.

– Железным Полковником кличут Деда те, кто не принадлежит к «росомахам». Флотские, армейские и прочие... Полагаю, объяснять почему не надо.

– Не надо, – сказал Осетр. – Но я в первый раз об этом слышу.

Найден лишь пожал плечами:

– Странно, что ты об этом не слышал.

– А много я разговаривал с прочими о Деде? К тому же, они, наверное, так его называют между собой... Мы ведь в беседах с другими не используем «росомаший» жаргон. Не сечем орбиту и вакуум не травим. Да и уши берет у не отвинчиваем...

Найден усмехнулся:

– Они бы на нас как на идиотов посмотрели! Где тот берет, у которого есть уши? И как можно сравнить вакуум? Куда? В гиперпространство?... – Улыбка его погасла. – И все-таки, зачем мы Деду так срочно понадобились?

– А сам-то что думаешь?

– А я, господин капитан, не думаю, – сказал Найден. – Я выполняю приказы, когда они поступают. И только во время выполнения приказов думаю.

Он опять улыбался, но, похоже, вовсе не шутил.

Осетр подчистил кусочком хлеба тарелку и взялся за стакан с компотом.

– Полагаю, господин капитан, Железный Полковник подготовил для нас очередное секретное задание, и выполнить его требуется безотлагательно. – Он залпом выпил компот и сказал. – Вставайте, граф! Нас ждут великие дела!

Найден поднялся со стула, забрал опустошенную посуду и отправил ее в утилизатор:

– Я не граф. И на борту «Победоносца» не капитан.

– Я знаю. – Осетр тоже улыбнулся. – Но нас с тобой все равно ждут великие дела... А вообще это цитата из одного литературного произведения.

Найден наверняка спросил себя, какую это школу закончил приятель, если знает такие цитаты. Но вслух он больше ничего не сказал.

Глава восьмая

На следующий день граф Толстой вновь покинул министерство и отправился в городок с необъяснимым названием Кузница.

Кафе, в котором он уговорился встретиться с Медведем, мало чем отличалось от вчерашнего – тот же небольшой зальчик, в котором легко заметить подозрительного человека, способного претендовать на грозное звание соглядатая; та же русская кухня; такой же важный официант.

Правда, в дальнем от входа углу стоял муляж одногорбого верблюда.

Не в натуральную величину, разумеется, – иначе бы четверть помещения занял...

Возможно, вечером тут собиралась отдыхающая молодежь, и всюду гремела современная музыка, «толкаемая» в души танцующих не менее юным диск-жокеем (или как их сейчас называют?)...

Но в это время было тихо-мирно.

В самый раз для встречи министра и хакера.

В общем, конечно, отсутствие слежки за хакером в порядке вещей – слишком мелкой сошкой он является! Понятно, что никто не рассчитывает, что из него можно выгащить что-либо серьезное. А вот почему никто не приставил хвоста к министру безопасности?

Граф усмехнулся.

Собственно, за русским министром могли следить только закордонные агенты, выполняющие шпионские задачи, а о таковых господах, начини они следить за графом Толстым, давно бы стало известно. Контрразведка бы предупредила! У своих же кишка тонка!

Покажите мне крысу, которая решится на слежку за министром, и я скажу, что он недолго продержится на своей должности! То есть не скажу, конечно... Не скажу – сделаю! И не продержится!

По видеопласту за стойкой транслировали хронику. Звук, правда, был отключен, но и так не требовалось большого ума, чтобы сообразить, о чем речь.

Тронный зал императорского дворца. Блеск антуража – золото, картины, витражи на потолке. Владислав Второй на троне. Во всей своей красе – мундир полковника лейб-гвардии гусарского полка.

В зале уйма народу. Мужчины во фраках, дамы в вечерних платьях. Банкиры, промышленники, военачальники, министры... Иностранные послы в национальных одеждах.

В честь последних и устроен императорский прием – празднуется День открытых международных отношений.

Как будто международные отношения могут быть открытыми. Трижды ха-ха! Они такие же открытые, как база данных министерства имперской безопасности. И прочие подобные базы.

Прием состоялся не далее как позавчера. Хроника политической недели столичной планеты...

Вон и сам граф Василий Илларионович Толстой. При супруге, разумеется, куда ж без нее?... Беседуют с главой «Русского императорского банка» князем Павлом Аркадьевичем Жеряпиным-Ушатым. При супруге, само собой. Безусловно, ничего секретного. Какие могут быть секреты от супруг? Так, обычные великосветские сплетни. Дочка того начала гулять с сыном этого... Внук князя такого-то замечен в неистовом потреблении спиртных напитков... Короче, спивается молодой человек, и никакие наркологи ни в состоянии помочь. Ну и тому подобные новости – сплетни есть сплетни! Та еще информация...

Однако, помнится, когда княгиня и графиня удалились в дамскую комнату – заделывать в своих нарядах какие-то пробоины ниже ватерлинии, Жеряпин-Ушатый, потягивая из бокала шампанское, сказал:

– Друзья наши затеяли возню вокруг соотношения рубля и доллара. Подставные мерканские компании массированно сбрасывают российские ценные бумаги. Похоже, пытаются раскатать наш внутренний рынок. Приходится усиленно противодействовать. Зачем-то хотят осложнить экономическую ситуацию.

Граф Толстой хотел тогда порасспросить князя получше, ибо осложнение экономической ситуации непосредственно влияет на безопасность страны, но вернувшиеся из дока линкоры помешали дальнейшему разговору.

При дамах можно говорить только о дочках и сыновьях великородных знакомцев.

А назавтра министра безопасности вызвал к себе император...

Теперь в принципе понятно, зачем сайентологам нужно некоторое обострение обстановки в Российской империи. Чтобы еще крепче привязать к себе Владислава... Дабы показать ему, что он, его императорское величество, без помощи Вершителя – ничто, никто и звать никак... Ну-ну! Видно, информация о потенциальном наследнике имеется и у мерканцев, и возможная смена власти в Новом Санкт-Петербурге их совершенно не устраивает. Значит, наследник – не их ставленник. Что ж, господа хорошие, примем к сведению...

Кстати, не совсем понятно, зачем было решено устроить столь крупный прием незадолго до Дня тезоименитства императора... Впрочем, надо думать, императрица все время, прошедшее после смерти сына, вряд ли радуется жизни, и царственному супругу сам бог велел развлекать ее почаще.

Граф Толстой заказал подошедшему официанту обед и вновь вернулся к содержанию хроники.

Про великосветский прием господ журналисты закончили, принялись за сводку биржевых новостей. В атмосфере информационной студии висела тревога. Будто туман над болотом.

Открылась дверь, впуслав в помещение волну холодного воздуха. Туман над болотом...

На пороге появился хакер.

Внешне Медведь был спокоен, однако граф Толстой сразу почувствовал его привычный мандраж.

Бойтся паренек, трясется медведик-комарик... Правильно трясется! А не нарушай российские законы! Они для всех писаны! Даже для медведей!

Хакер кивнул, угнездился за столом напротив графа. Как и вчера, подозревав официанта, заказал чашку черного кофе. Без сливок. И тут же, достав пачку сигарет, закурил.

– Здоровье не бережете, мой милый! – сказал граф.

Медведь криво усмехнулся:

– А оно мне понадобится?

– Ну всегда надо надеяться на лучшее. А здоровье лучше иметь, чем не иметь. Оно достается нам бесплатно, но стоит весьма и весьма дорого. Почему-то так решил господь. Возможно, для того, чтобы облегчить работу дьяволу.

– А вы философ...

– Все мы философы. После того как пройдем некую жизненную дистанцию... Результаты есть?

– Без результатов я бы не пришел! – самодовольно сказал Медведь и склонился к Василию Илларионовичу. – В общем, письмо послано из штаба РОСОГБАК².

Граф с трудом сдержался, чтобы не присвистнуть. Крутанул головой, словно воротничок жал ему шею.

² РОСОГБАК – Российская особая гвардейская бригада активного контакта.

Это была архиважная информация, определенно касавшаяся дальнейшей судьбы самого графа.

– Мне удалось проникнуть во внутреннюю сеть штаба, но на очень короткое время. Тут же сработала защита, едва черепушку не выжгли. Так что идентифицировать конкретный комп, с которого послали письмо, я не успел, только сетевой узел зафиксировал. – Медведь достал из кармана коробочку, выудил из нее бледно-голубой кристалл и передал графу: – Вся информация здесь. – Он залпом допил чашку кофе и встал. – Думаю, мне надо бежать! Чем меньше мы с вами будем беседовать, тем лучше. По крайней мере, для моего бесплатного здоровья... У вас, случаем, нет при себе наличных?

Толстой напустил на физиономию удивление и развел руками:

– Нет. Я пользуюсь исключительно кредитной картой «Росского императорского банка». Князь Жеряпин-Ушатый удачно лавирует среди финансовых айсбергов. Так что я сразу же переведу на ваш счет очередную сумму.

Медведь скривился:

– Если мне дадут возможность воспользоваться счетом... Боюсь, срочно требуется менять место жительства. Хакера тоже при желании можно вычислить.

– У вас совсем нет денег?

– Ну на неделю-другую хватит.

Граф подумал немного и сказал:

– За пару дней я непременно добуду наличные. И давайте встретимся здесь же... скажем, в пятницу.

– Хорошо, договорились! – Медведь кивнул графу, раздавил в пепельнице недокуренную сигарету и покинул кафе.

Непотушенная сигарета тут же принялась дымить, и Василий Илларионович переставил пепельницу на соседний стол. Ему она была без надобности.

Не стоит покупать за бешеные деньги «эликсир молодости» для того, чтобы превращать обретенное в табачный дым и болезни дыхательных путей.

Официант принес первое. Одурающе запахло сборной солянкой. Да и цвет ее вызывал неудержимый соблазн – повар не пожалел томата.

Что может быть лучше сборной солянки?

Личный повар семьи Толстых, правда, непременно клал в солянку немного картошки. В этом кафе картошки в солянку не клали, но она была лишь чуть-чуть хуже фамильной.

Объединение!..

Однако не успел граф Толстой и пяти ложек выкушать, как с улицы донесся неясный шум. Граф прислушался.

Определенно кричали встревоженные люди.

Кое-кто из посетителей ринулся на улицу.

Василий Илларионыч продолжал отдавать должное солянке. Потом все-таки не удержался и, отложив ложку, оставил под тарелкой купюру. Встал из-за стола, снял с расположенной рядом вешалки (в «Верблюде» не было гардероба) куртку и кепку и двинулся к выходу.

Любопытные как раз возвращались назад.

– Эй, борода! – сказал один из них. – Там грохнули этого парня... который только что с тобой сидел...

Василий Илларионыч выбрался на улицу и прошел до места, где клубилась небольшая толпа.

Упавший навзничь Медведь смотрел мертвыми глазами в зимнее небо. Лоб его украшало крошечное отверстие.

Похоже, хакера уложили разрывной пулей, энергии которой хватает лишь на то, чтобы пробить лобную кость и перемешать мозговое вещество; череп при этом остается целым.

Имеются на вооружении такие стволы. Модели «шмель». Изобретение инженеров, не желавших, чтобы смерть выглядела безобразной: безголовый труп, разбрызганные вокруг мозги...

Любители красивого, прости, Создатель!.. Смерть, упакованная в гламурную обертку!.. Тьфу!

Впрочем, дело вовсе не в извращенности господ инженеров – они всего лишь выполняли задание господ политиков, которым и в самом деле хотелось, чтобы смерть, если уж она неизбежна, не шокировала народ. По крайней мере, в случае *такого* вот убийства...

А еще при таком способе убийства нет никаких надежд на реанимацию. И щупачи бесполезны!

Василий Илларионыч прошел к оставленному на ближайшей стоянке флаеру, забрался в кабину и содрал с подбородка фальшивую бороду.

Интересно, кому это вдруг понадобилось убивать хакера? Не проще ли было взять парня под колпак? И проследить за его дальнейшими похождениями. Куда он еще сунет свой длинный нос?... В оперативном смысле это представлялось гораздо более умным поведением, чем такое вот, на первый взгляд, беспричинное убийство...

И тут граф вдруг понял, что Медведя уничтожили практически на его глазах с одной-единственной целью – доступно продемонстрировать ему, Василию Илларионычу Толстому, что о его связях с хакером известно не только ему одному.

Это была весьма и весьма неприятная догадка.

Интересно, кто же в таком случае грохнул Медведя-Кузнеца?...

Могли это сделать враги?... Еще как могли! Чтобы вызвать у министра безопасности чувство небезопасности.

Но то же самое могли сделать и друзья. Чтобы навеки заткнуть рот хакеру. В результате он не сможет ничего рассказать не только Толстому, но и о Толстом...

Нет, обо всем случившемся следовало очень основательно поразмыслить. Немедленно, не откладывая это дело в долгий ящик!

Он свернул бороду, положил ее в бардачок, снял с головы кепку, бросил ее на соседнее сиденье и рванул машину в зимнее небо.

И просто всем существом своим, всеми печенками, всеми фибрами своей души почувствовал, что за ним *уже* следят.

Глава девятая

Вернувшись в родное министерство, он первым делом отправил фальшивую бороду в утилизатор. А потом сел за стол и, велел Охлябину напроочь отрезать его от внешнего мира, просмотрел содержимое полученного от Медведя кристалла, после чего погрузился в глубокие размышления.

Граф Василий Илларионович Толстой был осторожным политиком, не склонным к бешабашному героизму, но кроме осторожности он обладал неплохим оперативным нюхом.

И сейчас интуиция совершенно определенно подсказывала, что времени у него немного и излишняя осторожность смерти подобна.

Задание императора должно перевернуть всю его жизнь – это министр тоже чувствовал.

Похоже, наступала пора, когда или грудь в крестах, или голова в кустах. Всякому политику известно, что иногда бывают подобные моменты, и тут самое главное – должным образом соответствовать им. Над ситуационной воронкой редко кто властен, одно спасение – вовремя проскочить узкое горлышко, не будучи задавленным врагами, друзьями и обстоятельствами. А то, что впереди именно ситуационная воронка, что события станут решающими и вот-вот понесутся вскачь – такой вывод интуиция графу тоже подсказала.

После этого по закрытому каналу и с должным информационным прикрытием (якобы министерству безопасности потребовался срочный отчет о «росомах», пребывающих на Алтае, где недавно произошли мелкие социальные беспорядки) он связался со своим человеком, давным-давно внедренным в штаб РОСОГБАК (все-таки предусмотрителен оказался граф Толстой, ох как предусмотрителен!), и дал ему чрезвычайно срочное задание.

Потом он включил сетевого и велел отыскать все материалы, находящиеся в ведомственном архиве и связанные с оперативной работой, которую штатные и нештатные сотрудники министерства вели когда-нибудь с конкретными «росомахами». Весь остаток дня он изучал эти материалы, по-прежнему абсолютно недоступный никому из жаждущих делового общения с министром имперской безопасности.

Охлябинин стоял на страже, готовый подставить свою чиновничью грудь под крупнокалиберные пули чужой нетерпеливости.

Закончив анализ материалов, граф Толстой посидел еще некоторое время, размышляя. А потом стер все запрошенные файлы, включил усиленную защиту файлов со своими выводами и планами, отключил сетевого, стерев ему память, и вызвал Охлябину.

Тот, как всегда, мгновенно возник на пороге кабинета:

– Слушаю, Василий Илларионыч!

– Вот что, Иван Мстиславович... Устал я сегодня. Государь-император сложное задание поручил... Сложное и весьма срочное... Отправляюсь-ка я, пожалуй, домой, с твоего позволения.

Заместитель соорудил на физиономии понимающее выражение:

– Конечно, господин министр!

– Что это ты так официально, Иван Мстиславович? – Толстой усмехнулся. – Тоже, наверное, устал грудью-то широкой меня прикрывать за эти два дня. Ступай-ка и ты отдыхать!

Граф Охлябинин покачал головой:

– Да нет, мне еще кое-какие проблемы решить надо... – Он позволил себе совсем легкую усмешку. – Тоже срочные и сложные!

– Ну решай, решай. – Министр встал из-за стола и, не удержавшись, потянулся. – А я полетел.

Глава десятая

– Это был последний прыжок, – сказал Найден, придя к Осетру в очередной раз со свертком в руках. – Мы недалеко от базы «Орион». Теперь тебе придется превратиться в труп.

– Что это означает? – спросил Осетр.

Такого выражения в жаргоне «росомах» он не знал.

– То и означает... Ты же как-никак героически погиб. И снимать тебя с борта «Победоносца» будут как погибшего. Согласно флотскому уставу. В гробу и с отдачей воинских почестей.

Так оно и случилось.

Найден попросил командира сменить полевую форму космического десантника на повседневную, проводил пустыми корабельными коридорами до медицинского отсека (здесь тоже никого не оказалось) и завел в лазерный холодильник.

Там стояли вдоль стены два пластиковых военных гроба: закрытый и открытый.

– А там кто? – Осетр кивнул на закрытый.

– Сержант Концевой.

Сержант Концевой... Ну да, конечно. Значит, труп его на пиратской базе все-таки нашли. Хоть похоронят по-человечески. А не как с отцом... То есть с Воимиром Приданниковым.

– Одинаковая судьба. На одном задании погибли, вместе и в морге хранитесь. – Найден перекрестился. – Прости меня, господи!

Осетра чуть покорило.

Но, с другой стороны, военному человеку не привыкать к смертям.

Вот только не станет ли известно Яне о том, чьи трупы держат в гробах? Это было бы весьма некстати!

Впрочем, подобного прокола господа флотские не допустят.

– Там приготовлен комплект документов, по которым ты отправишься с базы «Орион» на Новый Санкт-Петербург. Залезай! Некоторое время придется померзнуть, но это недолго. Встретимся в зале посадки на космовокзале. Друг с другом мы незнакомы. По крайней мере, до столицы. А там видно будет! Залезай давай!

Осетр забрался в гроб.

Документы лежали в изголовье. Осетр положил их во внутренний карман мундира.

– Готов?

– Готов! Закрывай!

Найден закрыл крышку гроба, и на Осетра обрушилась тьма.

Нечто подобное он испытал, когда его сбрасывали с борта транссистемника «Дорадо» на планету-тюрьму, но тогда не было страха, от которого сейчас засосало под ложечкой.

Впрочем, Осетр быстро наступил на горло страховой песне и стал ждать.

Довольно скоро похолодало, однако сильно замерзнуть он и в самом деле не успел.

Гроб вдруг зашевелился, поплыл куда-то. А Осетр решил, что самое лучшее будет поспать. И заставил себя заснуть...

По всей видимости, его нынешнее обиталище оборудовали мозгогрузом, потому что проснулся он со знанием всех своих дальнейших действий в короткой памяти.

Гроб был открыт.

Рядом стоял мужчина в белом халате и белой шапочке.

– Поднимайтесь, капитан, быстро!

Осетр выбрался из гроба.

– Где я?

– В морге базы «Орион».

Врач вывел его из холодильника в пустой кабинет, заполненный медицинским оборудованием, угостил стаканом горячего чая с лимоном, а когда Осетр, выпив, согрелся, сказал:

– Вам пора на космовокзал базы. Билет на ближайший транссистемник, отправляющийся к Новому Санкт-Петербургу, забронирован.

Осетра вывели из медчасти базы и проводили до пассажирского глайдера, следующего к космовокзалу.

Шли по коридорам, в которых не было ни одного окна. По-видимому, находились внутри оборудованного гравигенератором астероида, представлявшего собой наружную оболочку базы.

В глайдере сидели и военные, и штатские. Документов никто ни у кого не проверял.

Хотя вряд ли с документами Осетра мог случиться какой-нибудь прокол.

На космовокзале ему пришлось провести несколько часов. Сначала, вместе со всеми, зарегистрировался. Потом, чтобы убить время, долго сидел в местном ресторане, смотрел репортаж с футбольного матча, в котором встречались петроградский «Зенит» и сестрорецкая «Заря».

Осетр никогда не понимал, за каким дьяволом носятся по зеленому полю за черно-белым мячом двадцать два здоровенных мужика, а еще сотня тысяч увлеченно наблюдает за этим процессом. То есть понимать-то он понимал. Но оказаться как среди бегающих, так и среди наблюдающих ему никогда не хотелось.

Впрочем, оказалось, что если у тебя есть свободное время, то смотреть матч достаточно любопытно. В особенности когда с разных сторон орут посетители ресторана, вполне себе солидные граждане Росской империи:

– Ну! Бей, давай! Мочи!

– Мазила!

– Красавчик!!! Спаситель!!!

– О-о-о!

– У-у-у!!!

– Ну кто так бьет? Тебе бы по площадям стрелять!

Так и время пролетело.

Когда по говорильнику объявили посадку на транссистемник, Осетр встал из-за стола, расплатился с официантом и отправился в зал посадки.

Тут они с Найденом и встретились.

Если кто за ними и наблюдал, у него и мысли не могло возникнуть, что эти двое знакомы друг с другом.

А чему удивляться? Не все же десантники Росской империи знакомы друг с другом!.. Даже «росомахи»-то не все друг друга знают, а их много меньше, чем десантников!

Каюты им, разумеется, достались разные.

Осетр оказался соседом флотского капитан-лейтенанта, который летел в краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам – у него только что жена родила сына («После двух дочерей, капитан, понимаешь?! Добился я наконец своего!») – и этому знаменательному событию были посвящены все его мысли и слова.

Осетра он не раздражал. В конце концов, рождение детей – это часть человеческой жизни, и у самого Осетра когда-нибудь наступит подобная минута, кем бы он в это время ни назывался.

Через несколько часов, уже на Новом Санкт-Петербурге, он тепло попрощался с капитан-лейтенантом.

На вокзале он отыскал свободный синтезатор, приобрел себе штатский костюм, переоделся в одном из вокзальных туалетов и отправил в утилизатор пакет, скрывший в своих недрах форму космического десантника с капитанскими погонами.

Далее последовало уже много раз испытанное. Обычный путь секретного агента, пытающегося сбросить возможный хвост. Цепочка рейсовых глайдеров и монорельсовых поездов с многочисленными пересадками, в ходе каждой пересадки неременная проверка, равнодушные (а на самом деле чрезвычайно внимательные) взгляды на окружающих, полное отсутствие чувства тревоги. Похоже, хвоста либо не было вовсе, либо его удалось благополучно сбросить...

Завершив цепочку, он оказался в малоэтажном городке с названием Зеленогорск (хотя в окрестностях этого населенного пункта не наблюдалось не то чтобы гор, ни одного зеленого холма) и здесь наконец закончил свои бега, поселившись в туристической гостинице.

И не удивился, когда в соседнем номере обнаружил штатского, в котором любой член экипажа «Святого Георгия Победоносца» узнал бы старшего лейтенанта Мормышева.

– Ну как? – спросил Найден после взаимных приветствий. – Слежки за собой не заметил?

– Нет.

– Я тоже... Ну и ладно. Отдыхай! Завтра вылетаем с Нового Санкт-Петербурга на Дивноморье.

– Эвакуируемся? – спросил Осетр со смешком.

– Почти... Во всяком случае, Дед ждет нас там в любом подходящем для получения заданий виде.

– Это радует! – сказал Осетр.

И отправился отдыхать.

Глава одиннадцатая

Через сутки бывшие десантники уже находились в пансионате «Ласточкино гнездо», заселились в заранее забронированные номера, поднялись на двенадцатый этаж, ввалились в номер тысяча двести двадцать девять, доложили о прибытии и немедленно были препровождены в кабинет Деда.

Выслушав доклад о событиях в системе Дальнего Алеута, полковник поблагодарил капитана Барбышева (старший лейтенант Мормышев вернулся к прежней личине) за успешно выполненное задание и приказал ему быть свободным до особого распоряжения.

– А вы, капитан Башаров, оставайтесь.

Найден подмигнул приятелю и убрался прочь.

Осетр ждал в положении «вольно».

– Я рад, мой мальчик, – сказал Дед, – что тебе удалось вырвать из вражеских рук княжну Чернятинскую. – Он подошел и обнял Осетра.

Было, как и прежде, в этом движении что-то от взаимоотношений отца и сына. Любой полковник обнимает любого капитана обычно совсем по-другому. С признаком должностного превосходства, что ли?... В общем, как командир подчиненного...

– Садись, сынок, в ногах правды нет.

Они присели на знакомый диван.

– Я очень рад, что Татьяна Чернятинская жива-здорова. Ты неплохо поработал в рейде. – Улыбающаяся физиономия Железного Полковника помрачнела. – Однако твой вояж на пиратскую базу представляется мне легкомыслием. Провозгласить себя парламентаром!.. Ты не должен был так рисковать, мой мальчик. Были и другие, более безопасные пути. Я прав?

Осетр мотнул головой:

– Безопасные для меня, но вовсе не для княжны Чернятинской. Согласитесь, Всеволод Андреевич, что для командира десантного отряда, приписанного к военному кораблю, тамошний риск не превысил необходимого уровня. Ну сами подумайте – при атаке базы с помощью десанта заложница наверняка бы погибла!

Дед поморщился и пересел на краешек дивана. Будто вспомнил, что надо держать соответствующую воинским званиям дистанцию.

– Конечно, если речь идет о простом командире десантного отряда, то такой риск и в самом деле обычен. Однако тебя-то нельзя считать простым командиром десантников! Разве не так?

– Об этом знают немногие!

– Неважно. Ты должен понимать важность собственной безопасности для нашего общего дела. До сегодняшнего дня мне казалось, что ты это понимаешь!

И началась очередная воспитательная беседа.

«Вы обязаны сто раз подумать, капитан... С вами связана судьба тысяч людей... Вы должны... Вы не имеете права... Вам положено... Вы согласны, капитан?»

Вот теперь следовало брать быка за рога.

– Я был бы согласен, – сказал Осетр, – если бы мое положение в действительности оставалось таким, о каком вы говорите, господин полковник. Но после рейда на «Георгии Победоносце» я понял главное... – Осетр замолк, будто подбирал нужные слова. – Я вдруг понял, что безопасность близких мне людей гораздо важнее нашего общего дела. И если я буду продолжать участвовать в этом деле, мои близкие всегда будут находиться под ударом.

– Да, – сказал Дед. – Твой вывод правилен. Но ведь это удел любого государственного человека. Ты думаешь, мои близкие не под ударом? Еще как под ударом!

Осетр точно знал, что семьи – в смысле жены и детей – у полковника Засекина-Сонцева в настоящее время в наличии не имеется.

Наверное, полковничья супруга (а в тот момент, скорее всего, еще лейтенантова или капитанова) не выдержала постоянных мужниных отлучек от домашнего очага. Ей надоело проводить вечера в одиночестве, и она попросту сбежала от такого спутника жизни...

А может, супруги у Деда и вообще никогда не имелось. Трудно представить себе его женатым на ком-то еще, кроме собственной работы...

Впрочем, какие-то близкие у полковника все равно должны быть. Не полный же сирота он, когда среди россов так распространены многодетные семьи!

Но сейчас не время размышлять о близких Деда.

– Всеволод Андреевич! Рейд к Дальнему Алеуту совершенно изменил мои намерения. Я вовсе не хочу быть государственным человеком. Я не хочу, чтобы мои близкие постоянно находились в поле зрения наших противников. Я не хочу, чтобы княжне Чернятинской все время угрожала опасность. Если приходится выбирать между уделом государственного деятеля и судьбой маленького человека, я выбираю судьбу маленького человека. Пусть я не стану русским императором! Зато мои близкие будут в безопасности.

Дед встал с дивана и прошелся по кабинету, блуждая взглядом по углам. Будто что-то искал...

– Не будут твои близкие в безопасности! – сказал он потом. – Если мы не предпримем то, что решили, в скором времени ничьи близкие не будут в мало-мальской безопасности! Тебе ли этого не знать! Ну да ладно, воля твоя, сынок...

А дальше последовало уже знакомое и ожидаемое:

– Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики! – заявил Дед.

Осетр немедленно сделал вид, что утонул в процессе внушения.

А когда процесс закончился и Дед спросил: «Ну так как? Мне удалось доказать тебе, что на первом месте у государственного человека должна стоять безопасность родной державы, а не конкретных людей?», Осетр ответил:

– Простите, господин полковник, не удалось. Можете гнать меня в шею с военной службы, но я не хочу приносить вред близким людям! Это безнравственно! Нельзя строить свое счастье на несчастье других! Господь обязательно накажет за это!

На сей раз Дед даже не поморщился.

– Ладно, майор, – сказал он, устраиваясь за рабочим столом.

– Вы хотели сказать «капитан», – перебил Осетр.

Впрочем, ему все уже было понятно...

– Я хотел сказать то, что сказал, – хлопнул ладонью по столу Дед. – За успешно выполненное в системе Дальнего Алеута задание капитан Башаров награжден орденом Святого Романа³ первой степени, посмертно. А тебе, сынок, присвоено очередное воинское звание. И новое имя. Отныне ты – майор Долгих. Остромир, разумеется. Так что жду сегодня приглашения на соответствующую моменту вечеринку.

– Служу государю-императору! – щелкнул каблуками Осетр.

– В ближайшее время вам, майор, предстоит выполнить очень важное задание, – Дед перешел на официальный тон. – А я, пока вы его выполняете, подумаю насчет «гнать в шею».

Вечером в одном из банкетных залов пансионатного ресторана состоялась «соответствующая моменту вечеринка». Присутствовало несколько офицеров РОСОГБАК, среди которых были капитан Барбышев и полковник Засекин-Сонцев, выглядевший изрядно озабоченным. Все присутствующие заразились настроением командира, и до битья посуды на сей раз не дошло.

³ Великий князь Роман создал бригаду «росомах».

А на следующий день новоиспеченный майор Долгих получил личные документы и приказ срочно отправиться на планету Угловка, носящую в народе прозвище Кресты. И не удивился этому.

Кто ж удивляется, если вектор развития событий устремляется в ту сторону, куда ты и добивался! Так что в колонну по одному, господа «росомахи»! И не будем травить вакуум!

Глава двенадцатая

На следующее утро, явившись в министерство, Толстой сказал Охлябину (тот всегда появлялся на работе раньше начальника):

– Утренний доклад отложим на четверть часа.

Обычно рабочий день министра начинался с доклада о конкретных задачах предстоящих рабочих часов: встречах, звонках, требующих срочного ответа письмах. Но сегодня день был необычный, и начинать его требовалось иначе.

Через четверть часа, потраченные министром на то, чтобы еще раз поразмыслить над задуманным, заместитель появился в кабинете.

– Можно, Василий Илларионович?

Толстой очнулся от размышлений:

– Да! Заходи, Иван Мстиславович. Присаживайся.

Заместитель привычно устроился в кресле для посетителей.

– Давай, что там у тебя?

Охлябинин принялся перечислять требующие немедленного вмешательства министра вопросы.

Когда он закончил, Толстой сказал:

– Я понял... Подожди!

Собравшийся покинуть кабинет шефа заместитель вернулся в кресло.

– Позавчера, как ты знаешь, меня вызывал к себе государь, – продолжил Толстой. – Ему пришло анонимное письмо. В письме говорится, что у императора появился незаконнорожденный наследник. Вернее, там сказано: «имеется незаконнорожденный наследник».

Заместитель смотрел на шефа, не мигая. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

Но это ни о чем не говорило – он всегда так выслушивал указания министра.

– Могу я ознакомиться с письмом?

– Разумеется, – сказал Василий Илларионович. – Я переправлю его на твой комп... Как я уже сказал, письмо анонимное. И наша с тобой главная задача – выяснить, кто его прислал. Архисрочная, прямо скажем, задача.

– Так точно! Выяснить. – Физиономия графа Охлябина сделалась выжидающей. – И?

...

– И пока больше ничего. – Толстой хлопнул ладонью по крышке стола, словно ставя точку. – Только выяснить, кто адресант! Больше ничего!... Задача понятна?

– Так точно, господин министр. – Заместитель пошевелил в воздухе пальцами. – Правильно ли я понимаю, что к выполнению этой задачи должен быть привлечен самый минимум работников министерства?

До него, как всегда, дошло очень быстро. Хотя главное, конечно, не дошло.

Да и ладно! Было бы хуже, кабы получилось иначе.

– Совершенно правильно понимаешь! Правильнее всего, конечно, если бы об этом письме вообще знали только мы с тобой. Но... Если станешь привлекать кого-нибудь из подчиненных, с содержанием письма этот человек не должен знакомиться ни в коем случае. Думаю, ты представляешь себе всю серьезность доведенной до государя информации. Тут могут быть далеко идущие последствия. И нам следует разобраться, правда содержится в письме или нет.

Заместитель кивнул, встал и покинул кабинет. А министр еще раз просмотрел подготовленный графом Охлябининым список срочных дел и опять углубился в размышления.

Однако надолго раздуматься заместитель ему не позволил. Снова появился в кабинете шефа:

– Василий Илларионович! Сразу после вас к государю-императору был вызван граф Кушелев-Безбородко.

Это известие меняло многое. Даже очень многое! Даже очень-очень-очень многое...

– Почему ты мне не сообщил в тот же день, Иван Мстиславович?

Граф Охлябинин виновато развел руками:

– Информация о его вызове на высочайшую встречу пришла только-только.

– Хорошо, ступай!

И Толстой снова погрузился в размышления.

Глава тринадцатая

Весь день Василий Илларионович занимался повседневными делами, не возвращаясь к порученному государем делу. Он ждал. И дождался.

Реакция наступила уже к вечеру.

В шесть часов он не получил контрольного сообщения от агента из штаба РОСОГБАК. И снова задумался.

Тому могли быть два объяснения.

Либо агент не получил его задание, – хотя как это могло произойти, совершенно непонятно, – либо агента «вывели за скобки». Второе возможно только в одном случае – агент раскрылся. Или был сдан.

Ладно, подождем до следующего срока контрольного сообщения. А он наступит только утром.

В семь в кабинет вошел граф Охлябинин. Заместитель выглядел привычно спокойным, но Толстой сразу почувствовал, что за спокойствием этим скрывается доказательство правильности сделанных им выводов.

– Василий Илларионович! Можем мы поговорить?

– Заходи, Иван Мстиславович! Нашел адресанта?

– Да. Именно об этом я и намерен сообщить.

Охлябинин, изменив обычному порядку, угнезвился на стуле.

– Слушаю тебя. – Граф Толстой вдруг почувствовал, что предстоящий разговор будет носить судьбоносный характер.

Через полчаса он в этом убедился.

Против императора Владислава Второго и в самом деле существовал заговор, причем заговор обширный, пронизывающий все слои имперской военной и административной элиты. Недовольство политикой императора оказалось слишком велико, чтобы можно было снять его какими-то уступками.

Нет, министру имперской безопасности сразу стало ясно – под существующий режим заложена такая бомба, которая неизбежно взорвется. На государственную машину накатывается волна, которую не остановишь. Она должна прокатиться по стране и либо погаснуть, либо смести на своем пути всех, кто станет поперек. Причем наиболее вероятным выглядел именно второй вектор развития событий – это было совершенно ясно министру, с его обширным политическим опытом и хорошо развитым чутьем.

Закончив доклад, Охлябинин сказал:

– Вот таково положение вещей, Василий Илларионович!

– Понятно, Иван Мстиславович! – Толстой судорожно потер лицо руками. – Ты давно присоединился к заговорщикам?

Заместитель и глазом не моргнул:

– Очень давно. Еще при вашем предшественнике. Правда, тогда еще заговора как такового не существовало. Имелась просто группа людей, озабоченных судьбой страны. Она предпринимала кое-какие действия, которые могли сыграть свою роль в будущем. В то время выступать против Владислава было бессмысленно – заговорщики попросту не получили бы общественной поддержки. Сейчас – иное дело... Так что тебе, Василий Илларионович, – граф Охлябинин вдруг перешел на ты, – предстоит определиться, на чьей ты стороне. Причем в самые кратчайшие сроки...

Толстой снова потер лицо руками:

– Ты ведь далеко не все имена мне назвал?

– Конечно, я назвал тебе только те имена, которые подтверждают всю серьезность подготовки, чтобы ты понял: мы – не жалкая кучка заговорщиков, мы – обширная организация, влияющая на очень многое.

– Ну а имя адресанта, приславшего анонимку императору, ты мне назовешь?

– Увы, пока оно мне и самому неизвестно.

То ли соврал, то ли правду сказал...

Василий Илларионович встал и прошелся по кабинету. Охлябинин провожал его спокойным взглядом.

Он наверняка волновался, но если бы его занимала лишь собственная судьба, он бы никогда не пошел на этот разговор. Его сейчас заботила судьба дела, которому он посвятил немалую часть своей жизни, и это не могло не вызывать уважения.

Теперь графу Толстому было совершенно понятно, почему Охлябинин не стремился на освободившееся место министра, когда умер граф Хворостов.

Конечно, безопаснее находиться на втором плане и, не привлекая особого внимания, обдѣлывать свои делишки. А он-то, Василий Илларионович, думал, что у заместителя попросту нет собственных амбиций... Нет, амбиции у графа Охлябинина имелись. И еще какие амбиции! Либо грудь в крестах, либо голова в кустах...

Министр вернулся за стол:

– Ладно, Иван Мстиславович... Ступай! Я сегодня буду ночевать здесь. И дам тебе ответ не позже завтрашнего утра.

Глава четырнадцатая

Осетр вовсе не полагал, что его снова устроят кем-нибудь вроде начальника охраны очередного чиновника, инспектирующего Кресты.

Секретные государственные службы, – если они не желают неожиданных провалов, – обычно в своих замыслах не повторяются. Во всяком случае, при проведении ответственных операций...

Тут, правда, еще вопрос – ответственная ли операция предстоит майору Долгих? С точки зрения господ, не посвященных в обстановку, вопрос, разумеется. С точки зрения Деда-то, никаких сомнений нет, – еще какая ответственная! А с точки зрения самого Осетра, ему вообще нет сейчас иного пути, кроме как на Кресты!

Подзарядка аккумулятора, ржавый болт тебе в котловину! Неизбежная с некоторых пор «технологическая» операция. Никуда от нее не денешься!

Нет, парни, со временем надо будет каким-то образом решать эту проблему. От этого тоже никуда не денешься! Нужно максимально упростить процедуру восстановления туманной силы. Изготовить, так сказать, зарядное устройство для аккумулятора... Может, посадить на столичной планете, рядом с императорским дворцом, храповую рошцию? И устраивать там ежедневные прогулки?...

Вот только есть авторитетное мнение, что на иных планетах, кроме Угловки, храппы не растут. Или растут, но не имеют того чудесного воздействия (для Осетра) и тех целебных свойств (для прочих граждан). И мнение это основано на реальных экспериментах (без участия Осетра, конечно). Так что придется ему пока время от времени мотаться на Кресты... Благо оперативная методика попадания туда уже неплохо отработана!

А позже, когда появится возможность, надо будет обязательно поручить ученым умам разработку «зарядного устройства»...

Его и в самом деле не назначили начальником охраны.

Он просто-напросто получил задание отправиться на тюремную планету (с разрешения министерства исправительных учреждений, разумеется), отыскать там доктора Сергея Петровича Бажанова (для сведущих – агентурная кличка Муромец) и передать ему чрезвычайно важную посылку.

Вот так просто! Видимо, Дед полагал, что иногда решение возникшей проблемы методом «в лоб» оказывается изящнее и эффективнее обходных путей.

Задание, разумеется, было выполнено.

А то, что доктор Бажанов устроил своему гостю небольшой пикничок среди леса, в маленьком домике, где иногда отдыхали заключенные, – так ведь это в порядке вещей. Хозяин проявил традиционное гостеприимство росичей, которому и планета-тюрьма не помеха... В результате гость обрел малую толику развлечения...

И еще имелось кое-что, о чем, по мнению Муромца и Деда, он ни в коем случае не должен был знать... И еще нашлось одно кое-что, о чем, по мнению Осетра, не должны были знать доктор Бажанов и полковник Засекин-Сонцев.

Да, отдыхающему сделалось плохо на пикнике, но это продолжалось очень недолго, а рядом находился врач, и потому никакой угрозы для здоровья гостя ни в коем случае не предвиделось...

По тому факту, что его отправили на Кресты едва ли не в открытую, Осетр понял: события, к которым стремились заговорщики, быстро приближаются. Очень скоро будет предпринята попытка сместить с трона Владислава Второго, и на месте императора окажется человек, способный прислушиваться к мнению заговорщиков, человек внушаемый и адекватный. Быв-

ший кадет Приданников, капитан Башаров, майор Долгих... И еще куча оперативных псевдонимов.

Впрочем, в назначенный день у него наверняка уже будет генеральское звание (подумаешь, через пару званий перепрыгнуть, такие вещи в человеческой истории случались неоднократно!), и он опять станет Остромиром Приданниковым. А то и вовсе Романовым.

Владислава же – в немедленный расход! В утилизатор! Не фиг дальше небо коптить, ржавый болт тебе в котловину!

Вот от этой мысли Осетр слегка и опешил. То есть ему с самого начала было совершенно ясно, что нынешнему императору после смещения с трона одна дорога – в могилу... Но пока это являлось отдаленной перспективой, он не слишком задумывался о судьбе нынешнего русского правителя. Однако теперь, когда перспектива неотвратимо становилась близкой, его вдруг переклинило.

Ведь как ни крути, а Владислав был его отец. Пусть сволочь, не принесящая Осетру ничего, кроме бед, но ОТЕЦ. Тот, без кого Осетр бы и на свет не появился... Понятное дело, что не сам Осетр его умертвит – найдутся желающие (они на такое дело всегда находятся!) – и тем не менее это будет самое настоящее ОТЦЕУБИЙСТВО. Поступок, претящий христианину, – пусть даже Осетра и не назовешь слишком верующим человеком...

В то же время он прекрасно понимал, что отступить от задуманного заговорщики не смогут.

Слишком многое уже совершено, слишком многие люди втянуты в заговор – от мелких сошек, не знающих почти ничего, до крупных имперских военачальников и должностных штатских, прекрасно представляющих себе, что ждет их самих и их горячо любимые семьи в случае провала.

Тут других вариантов не существует – либо ты, либо тебя. Большевизм в неприкрытом виде. И никуда не денешься! Ты взрослый человек, майор, не кадетиска занюханный, прекрасно понимаешь: сказал «а» – говори и «б»... Иного не дано. Во веки веков...

Так что придется брать грех на душу. Власть – она без греха не обретается. Да и не теряется, в общем-то, тоже. И нести такой грех – удел сильного человека, удел «росомахи», удел гвардейца, ржавый болт тебе в котловину!

Но как же мечталось хотя бы отчасти остаться человеком!

И когда Осетр возвращался с Крестов (все на том же знакомом транссистемнике «Величие Галактики»), ему пришла в голову мысль, поразившая его своей простотой. Наверное, простота и послужила причиной того, что такой вариант развития событий не оказывался в центре его внимания прежде.

Тоже мне, «росомаха», ржавый болт тебе в котловину! Да любой бы пацан с начального курса школы догадался! Не зря капитан Дьяконов говорил: «Чаще всего, господа кадеты, решение главной проблемы, стоящей перед вами, находится у вас же под носом. Надо только суметь увидеть!»

Впрочем, не будем себя ругать. Ведь увидел, в конце концов! Возможно, именно простое решение, избранное Железным Полковником при отправке Осетра на Кресты, и натолкнуло на мысль, но разве это важно? Пришло в голову – и пришло! И слава богу! Правда, произойди это раньше, многое бы в жизни покатилося совсем иным путем. А с другой стороны, нет худа без добра. Разведшкола на Новой Москве дала ему изрядное количество знаний, которые непременно понадобятся в скором будущем. Так что не будем жалеть о том, что уже произошло и что уже все равно не изменить, хоть ты тресни... В общем, гаси светило, «росомаха»!

Но теперь надо принять меры, чтобы изменить предстоящее. Тем более что и сам он тоже изменился...

Глава пятнадцатая

Вернувшись на Дивноморье и заняв привычный номер, он не стал напрашиваться на встречу с Дедом.

Железный Полковник сам его вызовет, и уже сегодня, к бабке не ходи... Наметившаяся спешка тому порукой!

А пока и в одиночестве побыть неплохо. Тем более что возвращение географическое обернулось возвращением эмоциональным.

Его мысли и желания снова обратились к той, что в последние дни отошла на второй план. Опять захотелось увидеть Яну, поговорить с нею, прикоснуться – хотя бы к руке...

Ну что за судьба, дьявол меня побери! Почему человек не может получить все, что для него важно? Ведь можно все совместить! И работу, и сердечные дела... Миллиарды людей стремятся к этому, и им удается! А тут... Какой я избранник, если не могу быть избранным хотя бы в любви?

В конце концов он решил прогуляться по окрестным местам, где они бывали с Яной.

В Каламберск, конечно, лететь не стоит – зачем выдавать свои желания Деду? Ничего хорошего из этого не получится! А вот по пляжу пройтись и искупаться в синих водах – запросто.

И только тут он обнаружил, что нигде не видит афиш, оповещающих о вечерних схватках гладиаторов. Повспоминал, как было в последние свои «гостевания» тут. И обнаружил, что гладиаторов не видел с того, самого первого раза, когда потенциальный гладиатор Ирбис проводил атаку «текущей воды» против Небесного Мстителя, под которым скрывался также претендовавший на сердце Яны господин Небежинский-младший.

Разве что с импресарио гладиаторов чуть позже довелось встретиться...

Конечно, теперь времена изменились, и ему совершенно не стоит контактировать с Модестом Силантьевичем... как его там?... да неважно это! А важно другое – не стоит им встречаться, и нету вдруг в «Ласточкином гнезде» Модеста Силантьевича! Совпадение или?... Может, господа гладиаторы совершают кругосветное турне по другим курортам и пансионатам Дивноморья...

Осетр отправился на рецепцию и поинтересовался, где сейчас можно посмотреть бои гладиаторов.

Дежурная, милая рыжеволосая девушка в форменных пиджаке и юбке, поспешила извиниться перед постояльцем:

– Простите, сударь, но гладиаторы больше у нас не выступают.

– У вас – в смысле, в «Ласточкином гнезде»?

– Нет, я имею в виду Дивноморье вообще. В прошлом году один из гладиаторов... Небесный Мститель его звали... погиб. Несчастный случай, прежде такого не происходило. Ну а в результате на планету заявился инспектор имперского комитета по охране труда, устроил расследование и прикрыл выступления. Тем более, выяснилось, что и еще один гладиатор погиб, совсем молоденький, импресарио скрыл этот случай... Клиенты, конечно, были против, да и нам это не понравилось... Сами понимаете, клиентов стало меньше, ибо немало народу прилетало сюда именно посмотреть на бои... Но решениям имперского комитета не воспротивишься! Неприятности никому не нужны! Так что простите, сударь, я даже не знаю, прикрыли ли театр гладиаторов вообще или они просто перебрались на другой мир.

Осетр поблагодарил разговорчивую дежурную и отвалил с курса.

Имперский комитет по охране труда, говорите? Ну-ну... Инспектор-то, конечно, был из комитета. Да только торчат из-за спины комитета уши Железного Полковника. Наверняка его рук дело. Чтобы у погибшего лейтенанта Приданникова не оказались на пути знавшие его

прежде посторонние люди, у которых вполне мог возникнуть вопрос: а с какой это стати погибший гладиатор разгуливает тут, по пансионату? Не переносить же с Дивноморья собственную тайную резиденцию главы секретной службы РОСОГБАК! Высокопоставленный «росомаха» уделает на чиновничьем ристалище любого импресарио. Последний даже знать не будет, жертвой чьей руки пал его бизнес. Имперским силовым структурам малый деловой бизнес – не конкурент! Об них даже большой деловой бизнес зубы сломать способен. На этом, собственно, всегда держалась и держится мощь государственной машины.

Ладно, решили мы на пляж пойти – туда и отправимся. Кстати, у меня ведь до сих пор браслета нет с симкой здешней системы связи... Ну да ладно, потребуется – разыщут!

Он как в воду глядел!

Только до выхода на пляж добрался, как его остановил посыльный.

– Простите, молодой человек... Вас зовут Остромир Долгих?

– Вы совершенно правы, сударь.

– Ну тогда вас приглашают в номер тысяча двести двадцать девять. Это на двенадцатом этаже.

Осетр усмехнулся про себя.

Откуда этому парню знать, что номер двенадцать двадцать девять – едва ли не родной дом для молодого человека, за которым посыльного отправили?

Кстати, а ведь посыльный на Дивноморье приходит к нему от Деда впервые. Раньше подобную роль играли прикидывающиеся штатскими военные.

– Спасибо! – Осетр дал посыльному на чай и двинулся к лифту.

Когда он вошел в кабину, ему явилась мысль о том, что он побывает сейчас в дивноморской резиденции Деда в последний раз.

В кабинете это ощущение усилилось.

Вот и сетевого Артузова на сей раз нет над левым углом стола. Похоже, Железный Полковник скоро покинет свою тайную штаб-квартиру... Ведь не может же один из главных заговорщиков, когда начнется мятеж, отсиживаться в тихой норке, изображая из себя трусливую мышку. «Росомахи» не травят вакуум! Хотя...

Хотя все может быть.

Есть время собирать камни и время разбрасывать камни. Есть люди, душащие неугодных императоров шелковыми шарфами, и люди, стоящие за спинами душителей. Есть желание разрушить существующую властную структуру и желание создать новую. Диалектика перемен...

Полковник поприветствовал майора спокойно, однако Осетру показалось, что за привычным спокойствием Деда прячется тщательно скрываемое нетерпение.

Да, похоже, начало решительных действий приближается с умопомрачительной скоростью. И к услугам пансионатского посыльного Деду пришлось прибегнуть по одной простой причине: большинство подчиненных полковника уже улетели с Дивноморья в места, где им требовалось присутствовать по, так сказать, разработанному боевому расписанию.

– А вот и ты, сынок. – Дед оторвался от родного компа, встал из-за стола и привычно тепло обнял Осетра.

Под глазами у старика была едва заметная синева – судя по всему, полковнику Засекину-Сонцеву приходилось вкалывать в последние дни в ущерб сну и отдыху.

– Как там на Крестах? Что доктор Бажанов?

– Работает. Привет вам передавал.

– В самом деле? – Дед удивленно вскинул брови.

– Да нет, шучу, разумеется. – Осетр усмехнулся.

– То-то я и думаю. – Дед шутливо погрозил Осетру пальцем. – Он о моем существовании даже и не догадывается.

Возможно, он врал – агент Муромец вполне догадывался о существовании начальника секретной службы «росомах», – но сейчас это не имело ни малейшего значения. А потом, после выступления, тем более не будет иметь! Победителей, как известно, не судят.

Надо думать, полковник вызвал майора ради главного – инструктажа перед мятежом, – и вот это уже имело главное значение.

Интересно, что господа заговорщики предложат кандидату в императоры? Явиться к императору и убить его в очном поединке? Придерживаясь правил древнего, давно забытого дуэльного кодекса? Случалось же давным-давно в человеческих племенах, что кандидат в новые вожди должен был одолеть прежнего...

Эта идея показалась Осетру настолько идиотской, что он едва-едва удержался, чтобы не рассмеяться.

Нет уж, они не идиоты! Скорее они посоветуют поединщику поступить так, как в схватке поступил с Осетром гладиатор Небесный Мститель! Ударить соперника в спину, когда тот не ждет.

Но подобное подходит для небесных мстителей, а не для «росомах».

С этого Осетр и начал.

– Всеволод Андреич! Могу я узнать, как будет осуществляться... – он помедлил, подбирая словосочетание, – передача государственной власти?

Дед покивал.

Осетру показалось, что он даже хотел потерять руки. Но сдержался.

– Ты все правильно понял, сынок. Подготовка... – Дед тоже не сразу подобрал нужное слово, – к процессу передачи государственной власти вышла на финишную прямую. Наши люди делают все, что запланировано комитетом спасения империи. Однако... – Дед потер обеими руками лицо и поморгал.

Похоже, он все-таки нервничал, этот Железный Полковник. Похоже, не настолько он уверен в победе, как хотел показать.

– Однако нам не кажется, что ты должен знать, как произойдет переворот. Твоя задача – подхватить упавшее знамя власти, но вырвать его из рук противника должен вовсе не ты. И потом... – Дед сел за стол, будто привычное место прибавляло ему уверенности. – Ты же понимаешь, что риск есть. Мы не можем полностью исключить возможность провала. И если тебя схватят... Ты же понимаешь!

– Понимаю, – кивнул Осетр. – Но ведь есть способ защиты! Мне можно поставить ментальный блок.

– И что? – вскинул глаза Дед. – Ментальный блок гарантирует только одно – твою мгновенную смерть, если тебя начнут допрашивать. Но нам вовсе не нужна твоя смерть, нам нужна твоя жизнь. Иначе за каким дьяволом мы затеяли все это! И потом... Лучший способ не выдать информацию – не владеть ею вообще. Так что лучше тебе просто ничего не знать. Отсюда ты отправишься на борт «Святого Георгия Победоносца», там будет твоя резиденция, пока не придет время выйти на историческую арену. Думаю, сейчас для тебя фрегат – самое безопасное место в Галактике.

Дед прибегал в разговоре к пафосным выражениям, и это тоже подтверждало, что он непривычно взволнован.

– У меня есть другое предложение, – сказал Осетр.

– Какое?

– Я должен лететь вовсе не на борт «Георгия Победоносца». Мне надо на Новый Санкт-Петербург.

– Это еще зачем?! – воскликнул Дед.

Он явно был ошарашен.

Конечно, умные люди составили умный план, а тут явился дурак со своими глупостями...

Впрочем, Дед сразу взял себя в руки.

– Ну-ка, ну-ка... И что ты собираешься делать в столице?

– Я должен встретиться с императором.

Все-таки у Деда отвалилась челюсть. На мгновение, но отвалилась. Подобного предложения он не ожидал.

Такое желание было выше его понимания. Такое предложение вообще было выше понимания нормального государственного деятеля.

Наверное, ему сейчас пришло в голову, что он жестоко ошибся, сделав ставку на этого молодого идиота.

– Зачем?

– Я должен с ним поговорить. Я должен доказать ему, что он действует вопреки интересам своей страны и своего народа.

Осетр прекрасно представлял себе, что сейчас подумал о нем полковник Засекин-Сонцев.

Дед встал из-за стола и прошелся по кабинету.

– Ты это всерьез? Ты думаешь, у тебя есть хоть один шанс?... Ей-богу, я сейчас впервые пожалел о том, что с тобой связался.

– Я иначе не могу. Я должен посмотреть ему в глаза!

– И что ты там рассчитываешь обнаружить? Муки совести за то, что он обрек на смерть твою мать и нерожденного тебя? Страх перед расплатой за совершенные ошибки? Желание уступить тебе трон? Согласие на дуэль? Да тебе и пальцем шевельнуть не дадут! Неужели ты этого не понимаешь!

– Я это прекрасно понимаю. И я вовсе не собираюсь вступать с ним в дуэльную схватку. Но я должен с ним встретиться. Я просто не могу иначе!

– Опять старая песня! – сказал с досадой Дед. – Чему тебя учили? Ты хочешь поступить как обычный сын с обычным отцом. Но ты необычный сын, а он – необычный отец.

– Вы мне, Всеволод Андреич, еще скажите, что я ублюдок, бастард... – Осетр изо всех сил старался держать себя в узде.

– Да, ты – бастард, но по нашим законам бастард тоже имеет право на трон. Иначе бы никто не попытался убить твою мать!

Осетр встал с дивана:

– Пусть я бастард! Но прежде чем занять трон, я должен посмотреть в глаза своему отцу.

Полковник снова прошелся по кабинету:

– Хорошо, я тебе обещаю, сынок. Владиславу будет сохранена жизнь, и ты непременно сможешь посмотреть ему в глаза. Как только пожелаешь! Но – потом, когда мы одержим победу.

«Ага, – подумал Осетр. – Сейчас!... Щаз-з! Сохраните вы ему жизнь, как же! За дурака меня держите?! Очень вам нужно, чтобы у ваших противников осталось в руках знамя законной власти!»

– Не обещайте мне, господин полковник, то, что не сможете выполнить. Прежние власти-тели остаются живы лишь в том случае, если отрекаются от престола. Да и то далеко не всегда.

– Нет, ну до чего же ты упрям! – Дед снова сел за стол. – Хорошо, тогда у меня есть еще одно предложение. Думаю, оно тебя устроит... Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики.

Хорошо, когда ничего не надо придумывать, когда нужное действие давно и удачно испытано!

Так он, наверное, в этот момент подумал. Во всяком случае, Осетру пришла в голову именно такая мысль.

А дальше произошло то, что уже происходило.

Майор Долгих стал выглядеть легковнушаемым: разгладилась морщина хмурости на лбу, чуть приоткрылся рот, исчезла жесткость в выражении глаз. Это был не упрямец, это был ученик, ждущий домашнего задания от учителя...

– Забудь о встрече с отцом, – веско проговорил учитель. – Эта встреча тебе не нужна. Этой встречей ты принесешь вред нашему общему делу. Ты прекрасно знаешь, что я не дам тебе плохого совета. Ты прекрасно знаешь, что я тебе всегда и во всем помогаю. В этом моя святая обязанность! А твоя святая обязанность – не подводить людей, которые связали с тобой свою жизнь и даже смерть.

Нечто подобное он говорил и в прошлый раз, когда пытался «отговорить» от участия в спасательной экспедиции к Дальнему Алеуту. Но он не помнил того разговора, и это оправдывало его требовательный тон.

Все повторялось. Как будто Осетр ходил по замкнутому, кем-то давным-давно очерченному кругу.

– Так что отправляйся-ка ты на «Георгий Победоносец»! Там твое место! Тебе все ясно, сынок?

– Ясно, господин полковник, – сказал Осетр, прикрывая глаза.

Дальше он словно наблюдал за происходящим со стороны.

Туманная фигурка с угольно-черной полоской ментального блока... «Рука» Осетра, знакомым движением протянувшаяся к ней, ухватившая двумя пальцами – будто клещами – и сжавшая в кулаке... Пойманный «жук», бестолково мечущийся в разные стороны...

«Аккумулятор» был подзаряжен. «Пикничок» на Крестах в присутствии доктора Бажанова состоялся не зря. И поплохело отдыхающему в лесу гостю вовсе не от выпитого и съеденного...

Осетр опять ощутил удовольствие от осознания беспомощности зажатого в кулаке «жука».

Да это просто наркотик какой-то, власть над человеком! Хочу раздавлю, хочу помилую... Впрочем, этого я не раздавлю! По крайней мере – пока! А в будущем посмотрим!

Он протянул к Железному Полковнику левую «руку».

Ощущение было прежним – вытягиваясь, рука росла, набухала, увеличивалась. И опять исполинская лапа неотвратимо обтекла туманную фигуру и зажала ее в гигантский кулак.

На сей раз Осетр задал всего один вопрос, ибо не знать лишнего и в самом деле мудро.

– Вы и в самом деле намерены посадить меня на место Владислава Второго?

Вопрос был дурацким и совершенно несвоевременным – его следовало задавать в прошлые разы. Но сейчас он показался Осетру совершенно необходимым, ибо то, что он собирался предпринять, окончательно делало его одним из главных заговорщиков. В собственных глазах делало – среди сторонников отца он наверняка давно считался одним из.

– Да, – сказал Дед.

Лишенный воли врать не может.

– Забудьте наш прежний разговор. Мы поступим иначе, господин полковник. Мне совсем незачем отправляться на борт фрегата, поскольку непосредственной опасности пока нет. Более того, я должен отправиться во дворец Владислава Второго. Вы найдете, как сделать правдоподобной такую командировку.

Железный Полковник слушал, не сводя с Осетра глаз. Как будто это было настоящее внимание, как будто он мог слушать по-другому...

– К примеру, – продолжал Осетр, – государь-император вручит мне какую-нибудь правительственную награду за хорошо организованную операцию по захвату пиратской базы. Такое ходатайство можно правдоподобно подготовить, практически никого не обманывая, не мне вас учить. Скоро ведь День тезоименитства, и его величество будет самолично награждать отличившихся в минувшем году росичей. А командировка мне нужна для того, чтобы собствен-

норучно убить императора. Полагаю, господь дает мне такое право. Не из-за мести за мою матушку, вовсе нет. С точки зрения гораздо более важной, а именно заботы о благе нашего народа.

Дед продолжал слушать.

И тут Осетру пришла в голову мысль о том, что ментальный блок ему бы все-таки не помешал. Наличие блока, по крайней мере в случае провала, не даст противнику сразу приступить к допросу, а небольшой запас времени иногда кардинальнейшим образом меняет трагическую жизненную ситуацию на оптимистическую.

– И вот еще что... Прежде чем отправляться на Новый Санкт-Петербург, я должен обзавестись ментальным блоком. Это вы, Всеволод Андреич, можете организовать самостоятельно, не отчитываясь ни перед кем, никого не ставя в известность. Тем более что по всем законам конспирации мне все равно пора обзаводиться блоком. Пусть я не знаю всей структуры нашей организации, пусть не знаю ее предводителей, но вы должны хотя бы позаботиться о вашей собственной безопасности, а также о безопасности капитана первого ранга Приднепровского, капитана Барбышева и других наших соратников, с которыми я встречался. Это будет правильно, это будет, не побоюсь этого слова, по-государственному мудро.

Осетру пришла еще одна мысль.

– Вы только что очень хорошо отдохнули, господин полковник. Всю вашу усталость как рукой сняло. Вам легко думается, вам легко дышится. Вы словно отоспались на неделю вперед.

Осетр разжал сначала левый «кулак», потом правый, выпуская «жука» на свободу.

Железный Полковник ожил.

Осетр вкратце повторил ему свою первоначальную, «домагелланову» речь – правда, на сей раз он вовсе не собирался разговаривать с отцом, желая только глянуть тому в глаза.

Дед выслушал его по-человечески внимательно.

А потом на некоторое время задумался.

Было почти видно, как стремительно сопоставляются факты, как командуют ими законы логики, как вычленяются причины и получаются следствия.

И мешки под глазами исчезли. Будто эта титаническая умственная работа была не работой, а самым что ни на есть отдыхом...

Нет, все-таки чудесные способности, обретенные Осетром под воздействием храппов, это немалая сила! И ею грех не пользоваться!

Наконец полковник Засекин-Сонцев все проанализировал, все просчитал, все решил и сделался готов поставить перед майором Долгих новую оперативную задачу.

– Вот что, сынок... – сказал он. – Мне кажется, тебе и в самом деле надо побывать в императорском дворце. Ощутить, так сказать, его атмосферу, понять хотя бы в первом приближении, чем живет окружение Владислава. Это будет в некоторой степени учебное занятие, способное принести тебе определенный опыт.

– Одно меня беспокоит... А не опасно ли мне туда заявляться?

– Если подготовить... так сказать, твой визит надлежащим образом, то можно сделать его неопасным. Сегодня же в императорскую администрацию будет отправлено ходатайство о награждении командира абордажной команды майора Долгих орденом Святого Романа третьей степени за захват пиратского военного судна... да хотя бы в той же системе звезды Дальний Алеут, где погиб капитан Башаров. Через неделю день тезоименитства. Его императорское величество будет участвовать в церемонии награждения отличившихся в различных сферах жизни страны... Думаю, это самый простой способ для тебя оказаться с ним рядом. Согласен?

– Наверное, вы правы, – с сомнением сказал Осетр.

– Не наверное, а абсолютно точно.

– И еще... Вам не кажется, Всеволод Андреич... Чтобы и вы, и я были еще более спокойны, думаю, самое время поставить мне ментальный блок.

Ему показалось, что по лицу Деда промелькнула некая тень, и он поспешно объяснил:

– Я знаю, что это такое, в школе «росомах» нам объясняли необходимость подобной меры при выполнении некоторых заданий. Ментальный блок помогает справиться с разного рода опасениями. Так, по крайней мере, нас учили.

Он хотел добавить, что кроме него и Деда под удар могут попасть и другие заговорщики – к примеру, сам министр имперской безопасности граф Толстой, – но он очень вовремя вспомнил, что Железный Полковник в здравом уме никогда не говорил о графе как о заговорщике.

А потому сразу поинтересуется, откуда у будущего императора такая информация. И как выкручиваться? Не говорить же Деду, что он был когда-то допрошен Осетром с помощью «Магеллановых Облаков»!..

– Учили вас правильно. – Железный Полковник улыбнулся. – Кстати, я уже достаточно давно живу с ментальным блоком. И он мне не мешает работать. Наоборот, добавляет смелости и решительности.

– Вот и я хотел бы стать таким.

Дед размышлял недолго.

– Хорошо, сынок, – сказал он. – Ты абсолютно прав. Мы поставим тебе блок в самое ближайшее время.

Глава шестнадцатая

Ночь у графа Толстого получилась длинной. Он пил чай (хотя сейчас скорее ему бы потребовалась водка, но спиртного в такие часы лучше избегать) и думал.

Ему было понятно, что заговорщики пошли ва-банк, а это означало лишь одно – подготовка к выступлению практически завершена: не сегодня, так завтра среди военных начнется мятеж. И ему действительно придется в самое ближайшее время определиться, на чьей он стороне.

Он размышлял, и цепочка последних событий становилась все более и более ясной.

Теперь его не удивляло странное, на первый взгляд, убийство хакера Медведя. Парню пустили пулю в голову не раньше и не позже, а именно в самый подходящий момент. Логичнее было бы убить хакера до встречи с министром имперской безопасности, но нет!.. Его определенно вычислили, но предоставили возможность сообщить графу Толстому, откуда явилась на свет анонимка. И только потом, после встречи, отправили к праотцам. Им требовалось, чтобы главный мибовец империи непременно получил это известие. Чтобы затеял расследование и вышел на заговорщиков в самом серьезном плане, собственноручно добыв информацию. Такой информации всегда больше веры...

И понятно теперь, с какой целью убили Медведя. Ему, графу Толстому, сделали намек, предупредили его. Он, правда, и в тот момент воспринял убийство как предупреждение. Только не знал, кто его совершил, друзья или враги. Теперь абсолютно ясно! Но, в свете разговора с Охлябининым, только от самого Василия Илларионовича сейчас зависит, друзья это будут или враги. В зависимости от того, чью сторону он примет.

Он заварил себе очередной стакан чая и принялся неторопливо прихлебывать.

Собственно, выбора-то почти и нет.

Убийством Медведя на это и намекали. Может статься, стоит покинуть сейчас здание министерства, и у него в черепе тоже перемешают мозг. Можно и не выходить. Можно просто связаться с дворцом, поднять императора из теплой постели и доложить о сложившейся ситуации. Назвать имена заговорщиков, которые ему сообщил Охлябинин. И тут же последует приказ начать аресты.

Первым, естественно, нужно будет арестовать Охлябину. У того наверняка стоит блок, но это дело поправимое. Есть специалисты прямо тут, на Новом Петербурге. Сломать заместителю косточки, сделать инъекцию суперпентотала – расколется, голубчик, как пустой орех. Нет, как полный орех... Многое у него содержится в мозгах, очень многое. Императору на всю оставшуюся жизнь хватит рассчитывать с министром имперской безопасности за собственное спасение, по гроб жизни Владислав станет ему обязан. Вот только не любят господа императоры быть обязанными. Тому в истории много случаев. Благодарности, ордена... А потом неизбежная опала... Владислав-то точно не любит быть обязанным.

Эх, черт, где были мои глаза? Как я мог посмотреть у себя под носом предателя?

И за это тоже спросят, как только закончатся благодарности и ордена и начнется опала! Бесконечная, безнадежная, неотвратимая опала... За все приходится рассчитывать, в том числе и за собственную слепоту. Такова административная работа, такова судьба политика – будь ты хоть император, хоть министр имперской безопасности...

Он встал и вышел из кабинета.

Охлябинин сидел за своим столом, изучал видеопласт компа.

– Что домой не уходишь, Иван Мстиславович?

Заместитель мягко улыбнулся:

– Мой дом сегодня здесь, Василий Илларионович! Грядут важные события.

Да, события... Тайно из здания министерства не исчезнешь – граф Охлябинин тут же поднимет на ноги своих.

Да, собственно, их и поднимать не надо. Наверняка возле здания министерства есть их люди. А скорее всего, и в самом здании. Иначе бы заместитель не был так спокоен! Все у них предусмотрено...

Министр вернулся в кабинет, открыл сейф, вынул лучевик «игла», стиснул пальцами рукоятку, глянул на счетчик зарядов. Аккумулятор был разряжен всего на пятьдесят процентов, хватит, чтобы угробить не один десяток человек. Сначала заместителя, потом тех, кто попытается задержать, ибо наверняка его без приказа Охлябинина из здания не выпустят.

Ну предположим, прорвется он к флаеру, сумеет взлететь... Тут-то его и накроют! Авария транспортного средства, ваше императорское величество, погиб в результате несчастного случая, открыто уголовное дело, виновные в происшествии будут примерно наказаны... А потом, если заговорщики одержат верх, семья графа Василия Илларионовича Толстого станет семьей врага, предателя. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Интересно, кто он, этот неожиданный наследник, вокруг которого сгруппировались противники существующего режима?

Министр погладил ребристую рукоятку «иглы».

Эх ты, личное оружие, мать твою за котловину! Личное оружие политического деятеля – не лучевик, а его мозги, его изворотливость, его интуиция, его нюх...

Он спрятал «иглу» в сейф и снова вышел из кабинета.

– А скажи мне, Иван... Кто он?

Заместитель оторвался от виртклавы:

– Вы о чем?

– О претенденте на трон.

Охлябинин подумал. И сказал:

– Внебрачный сын Владислава.

Толстой снова вернулся в кабинет.

Внебрачный сын – это серьезно! Это очень серьезно! Это прямое родство с императором. Стоит сделать генетическую экспертизу, и все доказательства родства налицо! Собственно говоря, она наверняка уже давно сделана, иначе бы все это дело и не затевалось! Такие бучи на пустом месте не устраивают!

Что ж, значит, у заговорщиков есть немалые шансы на победу.

Он промучился еще полночи, а потом вызвал из пола койку, заказал в синтезаторе постельное белье и улегся спать.

Спал очень спокойно, без снов. А когда проснулся, знал, что должен сделать.

Глава семнадцатая

Министр внутренних дел Российской империи граф Михаил Пантелеймонович Кушелев-Безбородко не только получил от государя-императора срочное и архисекретное задание, но и узнал от хороших людей во дворцовом аппарате, что чуть ранее у Владислава Второго побывал граф Василий Илларионович Толстой.

Какова причина его прихода к императору, «хорошие люди», к сожалению, знать не могли, но если Толстой был именно вызван к государю, а не напросился на аудиенцию, то с большой вероятностью можно предполагать следующее: министр имперской безопасности получил от Владислава то же самое задание, что и глава министерства внутренних дел.

Похоже, государь решил устроить между двумя силовыми министерствами (вернее, между двумя их руководителями) соревнование: кто быстрее и точнее раздобудет необходимую императору информацию.

А это, в случае проигрыша, пахивало весьма крупными неприятностями.

Поэтому, вернувшись в родной кабинет, граф Кушелев-Безбородко велел немедленно установить негласное наблюдение за министром имперской безопасности.

А потом принялся раздумывать, как можно выполнить высочайшее задание.

Конечно, специалисты, способные отыскать анонимного адресанта, приславшего государю письмо, в министерстве внутренних дел имелись; вопрос был лишь в том, стоит ли привлекать их к выполнению задания. Кто знает, куда, в какие слои русского общества приведет след? Какую волну поднимет расследование? Сейчас, после смерти цесаревича Константина, когда все более явной становилась неспособность государыни забеременеть вторым сыном, надо быть крайне осторожным во всем, что касается наследных дел. К тому же государь не случайно дал своим министрам задание не официальным порядком, а едва ли не в частной беседе, в обход главы кабинета князя Путятина, премьер-министра правительства Российской империи. Возможно, письмо специально было послано императору с целью вызвать репрессии и последующее недовольство высочайшей властью со стороны дворянства.

О том, что в среде русской элиты зреет заговор, направленный против политики императора, склонного ориентироваться на Великий Мерканский Орден, не слышал разве что глухой.

Графу Кушелеву-Безбородко были даже известны имена некоторых подозреваемых в заговорщичестве, да только улики против них пока не находилось. К тому же подобный заговор в первую очередь – дело министерства имперской безопасности... А МИБ, похоже, в этом направлении не мычит и не телится! И конечно, вставить фитиль графу Толстому и его конторе было бы очень неплохо. Особенно в глазах его величества!..

Но вести себя следует очень осторожно. Наследники древней конторы глубокого бурения не лаптем щи хлебают. У них в пользовании такие буровые установки, что вмиг расковыряют – до самой задницы... Да и граф Толстой не за красивые глазки сидит столько лет в привычном кресле, он зубы съел в своем деле, ухо с ним надо держать очень остро...

А то костей не соберешь!

Для начала Кушелев-Безбородко вызвал к себе своего заместителя, графа Бестужева-Рюмина, и велел ему подыскать надежного хакера из тех, кого министерство держит на крючке за какие-либо провинности и кем в случае чего можно безболезненно пожертвовать.

Однако, прежде чем Бестужев-Рюмин выполнил поручение начальника, поступила информация о том, что главный мибовец встретился в столичном пригороде с неким типом, который при проверке оказался хакером, висящим на крючке имперской безопасности.

Министр тут же аннулировал свой приказ и велел приставить хвоста, помимо Толстого, еще и к работающему на последнего хакеру. Никакой оперативной проработки хакеру не устра-

ивали. Во-первых, чтобы не испугнуть его. А во-вторых, чтобы не беспокоился главный мибовец.

На следующий день, когда хакер снова отправился в столичный пригород Кузницу, ему по дороге прицепили на одежду жучка. И с легкостью необыкновенной узнали, что письмо императору послали из недр штаба «росомах».

Это был номер!

Впрочем, если учесть, что в числе подозреваемых в заговоре находился полковник Засекин-Сонцев, глава секретной службы «росомах», удивляться было нечему. Вот только за каким дьяволом «росомахам» потребовалось доносить императору, что у того имеется незаконнорожденный наследник? Что это? Дезинформация в некоей намечаемой заговорщиками игре? Или правда, которую сообщает патристически настроенный сторонник императора?

Однако пока никаких фактов не имелось, одни домыслы. И надо было работать дальше. Тем более что сразу после встречи с Толстым хакера уничтожили неизвестные лица. Либо сами мибовцы. Вот только непонятно совсем – с какой целью? Либо некая третья сторона (если за вторую считать родное МВД). И тоже непонятно – зачем?

Глава восемнадцатая

Дед тянуть с обещанным не стал.

Блок Осетру поставили уже на следующий день. Для этого не потребовалось улетать с Дивноморья. И даже покидать «Ласточкино гнездо» не пришлось.

К Осетру пожаловал незнакомый тип в штатском и от имени полковника Засекина-Сонцева попросил майора Долгих отправиться в номер одиннадцать тридцать девять на внеочередной медицинский осмотр.

Осетр сразу понял, что ему предстоит. И заволновался.

Ему почему-то показалось, что предстоящее нанесет ущерб его обретенным способностям. Впрочем, «росомашей» тревогой это чувство не было...

Поднялись на одиннадцатый этаж. Остановились перед дверью в самый обычный номер. – Входите, майор! Вас ждут.

Внутри номер также оказался самым обычным – ни какой-либо аппаратуры, по виду напоминавшей медицинскую, ни лишних людей. Только один-единственный тип в штатском. Он, если судить по внешности, мог оказаться кем угодно – от гостиничного уборщика до прикидывающегося шпаком военного. На столе стоял самый обычный комп, за ним и расположился хозяин номера.

Никакой угрозы не было – «росомашье» чувство по-прежнему молчало.

– Майор Долгих для прохождения внеочередного медицинского осмотра прибыл! – доложил Осетр.

Хозяин оторвал взгляд от видеопласта:

– Присаживайтесь, пожалуйста, майор! Нас с вами ждет небольшая, но весьма важная процедура.

Осетр угнездился на стоящем возле стола стуле.

После чего прослушал небольшую лекцию, объяснившую майору Долгих, что ментальный блок ставится в интересах безопасности собственной его, майора, персоны; что процесс постановки блока совершенно безвреден; что действие блока продолжается в течение нескольких лет, но в принципе его можно аннулировать, однако в данном конкретном случае будет поставлен блок, который может снять, опять же в принципе, только тот, кто его поставил.

– А если попробует кто-то другой? – спросил Осетр.

Хозяин номера развел руками:

– Такая процедура может закончиться летальным исходом. Разве вам об этом неизвестно?

– Да нет, что вы? – сказал Осетр. – Известно, конечно. – И добавил с улыбкой: – Еще как известно!

И тут же спросил себя, за каким дьяволом он произнес последние слова. Да еще с улыбкой!

Внимательнее надо быть, «росомаха», сдержаннее! Даже со своими! А вернее – в первую очередь со своими! Ибо с чужими-то сдержанность ради тебя родилась, автоматом проявляется...

Хозяин кабинета вдруг вскочил:

– Господин полковник...

– Сидите!

Осетр оглянулся.

В номер вошел Дед.

Осетр тоже вскочил:

– Господин полковник...

- Сидите! – повторил Дед. – Готовы, капитан?
- Так точно! – снова вскочил хозяин номера. – Практически все готово!
- А не практически?
- Через две минуты. – Капитан скрылся в спальне.

Дед устроился на стоящем у стены диване:

- Присядь-ка рядом со мной, сынок!
- Осетр перебрался к полковнику и вопросительно посмотрел на него:
- Слушаю вас, Всеволод Андреевич!
- Магеллановы Облака – достойные спутники нашей Галактики, – сказал Дед.
- Это было настолько неожиданно, что Осетр чуть не прокололся.

Однако условный рефлекс сработал, и потому заминка оказалась слишком короткой, чтобы Железный Полковник обратил на нее внимание. Чуть приоткрылся рот, выражение глаз стало более мягким.

Внушай – не хочу!..

– Слушай меня, майор, внимательно, – сказал полковник Засекин-Сонцев. – Тебе только что поставили ментальный блок.

Осетр и глазом не моргнул, продолжая изображать сверхъестественную послушность.

– Сейчас ты пойдешь в соседнюю комнату и приляжешь там на койку. Ровно через минуту после этого ты очнешься и будешь считать, что ментальный блок тебе поставили именно сегодня. И не будешь помнить моего присутствия здесь.

Полковник встал с дивана.

Осетр последовал его примеру. Затем отправился в спальню.

Койка стояла возле стены напротив окна. Она была застелена простыней из сибелпласта, используемого для изготовления медицинского белья. Подушка отсутствовала. В изголовье стоял шлем, смахивающий на персональный тактический прибор.

Хозяин номера молча смотрел на Осетра.

Тот, также не открывая рта, проследовал к койке и улегся на нее. Капитан взял шлем в руки. Осетр ждал, что шлем напялят ему на голову, однако хозяин номера вертел его в руках, не проявляя ни малейшего желания проделать необходимую, по мнению Осетра, процедуру.

Когда хронометр в мозгу блокируемого отщелкал шестьдесят секунд, Осетр шевельнулся, потянулся и встал.

Необычное зрение по-прежнему действовало – он прекрасно «видел» туманную фигуру с черной полоской блока.

А значит, ничего не случилось – способности были с ним.

– Вы свободны, господин майор! – сказал капитан, продолжая вертеть в руках шлем. Словно только что снял его с головы...

– Благодарю! – Осетр протянул к туманной фигуре «руку» и ущучил черного «жука». – У меня стоит ментальный блок?

– Не знаю, – сказал капитан.

«Ого!» – подумал Осетр.

– Вы – кодеровщик?

– Никак нет!

– Врач?

– Никак нет!

– А кто вы?

– Оперативный работник секретного отдела РОСОГБАК.

«Ого и еще раз ого!» – подумал Осетр.

– Что вы сейчас делали?

– Выполнял приказ полковника Засекина-Сонцева.

– В чем он заключался?

– Сымитировать постановку майору Долгих ментального блока.

«Даже так?» – подумал Осетр.

– Вы провели имитацию. А теперь забудьте обо всем, что здесь происходило после того, как я встал с койки.

Осетр выпустил из туманной руки «жука»:

– Спасибо, капитан!

И сопровождаемый оперативником вышел из спальни.

Деда в номере уже и след простыл.

Ну конечно, его же тут не было и быть не могло.

Осетр распрощался с капитаном и вывалился из номера.

И только тут до него по-настоящему дошло, что, кажется, полковник Засекин-Сонцев продолжает играть с ним в какие-то непонятные игры.

Глава девятнадцатая

Осетр лежал на койке у себя в номере и размышлял.

Пока ему представлялось ясным одно: процедура, проведенная Дедом в номере на одиннадцатом этаже, постановкой ментального блока не являлась.

Это было всего-навсего внушением, с помощью которого объекту ставилась задача – поверить в то, что ему блок поставили. В конкретном месте в конкретную минуту.

Но это же отъявленная ложь! Какой тут ментальный блок, болт вам ржавый в котловину!

И сразу возникает вопрос: зачем это внушение потребовалось Деду? Именно Деду, ибо он сделал безымянного капитана-статиста липовым кодировщиком...

Надо думать, цель одна – дабы Остромир Приданников, очнувшись, посчитал, что у него теперь имеется ментальный блок. И не боялся попасть в руки противника.

Интересное объяснение, дьявол меня заберит! То есть на самом деле блока у кандидата в императоры нет, а он должен считать, что мозги у него заблокированы... А с какой целью? Чтобы не боялся? Но ведь и так ясно, что он не боится. То есть не боится за себя, поскольку воспитан «росомахой» и возможности имеет «росомашьи»... А за близких людей очень даже боится. И если уменьшать его страх, то речь должна идти именно об опасениях за судьбу близких. А этим в произведенной операции и не пахло. Вот если бы Железный Полковник заявил: «Сынок, с сего момента ты больше не беспокоись за судьбу Татьяны Чернятинской!»... Но подобное, наверное, неподвластно никакому внушению. Слишком уж глубоко сидят эти чувства в душе; их, скорее всего, можно выковырять только вместе с самим сердцем.

Но тогда зачем же Дед применил «Магеллановы Облака»?

Погоди-ка, друг ситный... А с чего ты взял, что у тебя нет блока? Да если бы его не было, то заговорщики бы с тебя пылинки сдували – лишь бы исключить всякую возможность твоего попадания в руки противника. А этого нет и в помине. Да, тебя, конечно, прячут, но точно так же прятали бы любого своего товарища, которому грозит опасность. Тем более что опасность-то смертельная в любом случае – как только схваченного начнут допрашивать, тут ему и конец.

Нет, друг Осетр, блок у тебя должен присутствовать. И весь этот спектакль на одиннадцатом этаже был разыгран с одной-единственной целью – чтобы ты, пожелав занять ментальный блок, не сообразил, что блок сей у тебя есть и что заложен он в твои мозги давным-давно, намного раньше, но никто не поставил тебя об этом в известность. И будь ты обычным человеком, ты бы и не догадался, что сегодня с тобой разыграли весьма неглупый спектакль.

И тут перед нами встает новый вопрос: а когда же именно был поставлен этот блок? Еще в школе «росомах»? Вряд ли. Нет смысла. Кадет Приданников в ту пору ничего не знал ни о своем происхождении, ни о своем предназначении.

Значит, это осуществлялось позже. К примеру, здесь, на Дивноморье... Хотя нет! Нет, не на Дивноморье, а скорее всего на Крестах, при прохождении «суворовской купели». За то время, что кадет Приданников провалялся без памяти (сначала в домике с кошками и собаками, а потом в лазарете) можно было не только ментальный блок, можно было сто клизм поставить.

Да, если на Крестах, то все срастается. Весьма правдоподобная гипотеза. В одно время и на внушаемость постарались закодировать, и ментальным блоком обеспечили. Грамотно подготовленная и проведенная операция!

Именно так бы Железный Полковник и поступил. У него не случается ничего непредусмотренного, и постановку блока он должен был предусмотреть еще в тот момент! И никак иначе!..

Так, ну хорошо... А почему Всеволод Андреевич не рассказали новоиспеченному лейтенанту Приданникову о блоке? А потому! Они вообще до сегодняшнего дня о блоках не говорили. Считалось, наверное, что все заинтересованные лица об этом знают, а кто не знает, тот догадывается, а кто не догадывается, так тому и знать ничего не надо. Не того полета птица... Впрочем, это не про кандидата в императоры – он «росомаха», он если и не знает, то наверняка догадывается.

Умная тактика, разработанная умными людьми... Но что-то она мне не слишком нравится.

То есть, понятное дело, мы не сегодня родились, работа в спецслужбах всегда была связана с возможной угрозой со стороны собственной конторы. Но это оправдано, когда необходимо, когда есть объяснение, обусловленное встречной угрозой конторе со стороны сотрудника. А вот почему сотруднику Приданникову (хотя он, конечно, не совсем сотрудник) не говорят о блоке, который ему своевременно поставили?

Нет объяснения!

И тут ему пришла еще одна, совершенно неожиданная мысль.

«Дьявол меня возьми! – подумал он. – А может, все еще сложнее? А может, на Крестах мне не только блок ставили и не только внушаемость увеличивали? Может, мне вообще липовые воспоминания в память вкладывали? Ведь я могу быть уверен только в том, что происходило со мной после недавнего возвращения с Крестов. А все, что случилось до, вполне могло и не происходить никогда. И не прятался я в разведшколе, и не бывал на Кустанае, и не спасал Яну от пиратов... А может, и вообще в Яну не влюблялся, и не летели мы с нею и с няней Аней на Дивноморье, и она вообще меня знать не знает...»

Эта мысль его просто потрясла.

Ибо если продолжать логическую цепочку дальше, то следовало начинать сомневаться во всем, что он помнил. А значит, и он мог вполне оказаться не он. И вообще у Владислава Второго не было никакого незаконнорожденного ребенка, и не приказывал император убить мать Осетра...

«Стой! – сказал себе Осетр. – Остановись! Так можно дойти до полного сумасшествия! Зачем стоило городить такой обман? Что это могло бы дать Железному Полковнику?»

Ответа на эти вопросы у него не имелось. И иметься не могло. Удивительным был даже тот факт, что такие вопросы возникли. Ибо если не верить Деду, то кому тогда вообще можно верить?...

Осетр вскочил с койки.

А вот сейчас сходим к Всеволоду Андреевичу, опутаем его «Магеллановыми Облаками» и вытянем всю правду-матку! Никуда он, голубчик, не денется! Пусть расскажет, где во всей этой истории правда, а где ложь!

И Осетр кинулся прочь из номера.

Глава двадцатая

На следующий день агенты, следившие за главным мибовцем, доложили графу Михаилу Пантелеймоновичу Кушелеву-Безбородко, что Василий Илларионович Толстой всю прошлую ночь провел в здании министерства имперской безопасности.

Если учесть, что такое происходило крайне редко – министр предпочитал ночевать под теплым бочком своей супруги Зинаиды Петровны – то оставалось сделать напрашивающийся вывод: случилось нечто весьма и весьма важное. По всей видимости, мибовские ищейки напали на след волчьей стаи.

Михаил Пантелеймонович слегка приуныл.

Похоже на то, что заочная схватка между безопасностью и внутренними делами может оказаться проигранной.

Для Михаила Пантелеймоновича это было как серпом по одному месту. Он всегда с ревностью воспринимал успехи министерства имперской безопасности. Мибовцам все доставалось с меньшим трудом, чем его людям. Они порой могли позволить себе возвыситься над законом, тогда как сотрудникам министерства внутренних дел постоянно приходилось действовать с оглядкой. Иначе те же мибовцы поднимут вой. Нет, это не тот вой, который свойственен средствам массовой информации – общественное мнение о нарушениях, как правило, и знать не знает. Но в административном и политическом смысле такая реакция была еще хуже.

Его императорское величество непременно скажет при случае: «Что же это твои парни, Михаил Пантелеймонович, опять на конституцию начихали? Подводите вы меня, граф! Аккуратнее надо работать! И без того недовольных нашей политикой – пруд пруди! А тут вы еще...»

По-свойски, конечно, скажет, с глазу на глаз. Да только радости от такой «свойскости» мало. Капля камень точит, а мнение императора – отнюдь не камень! Министры слетают с должностей и за более малую провинность. И прощает император графа Кушелева-Безбородко только за преданность его. Но преданность – фундамент для устойчивости положения довольно шаткий. Пока не найдется более преданный... Или умеющий пустить пыль в глаза...

Михаил Пантелеймонович прекрасно знал, что может за этим последовать. Если, скажем, граф Толстой покажется Владиславу Второму более преданным, чем граф Кушелев-Безбородко, вполне может последовать подчинение министерства внутренних дел министерству имперской безопасности. Все равно, если заговорщики перейдут к активным действиям, то самым лучшим вариантом в борьбе с ними будет сосредоточение силовых министерств в одних руках. Военных, правда, к этим же рукам не пристегнешь – они сами с усами, могут и переметнуться. Но МИБ и МВД в одних руках – это сила. В том числе и против военных... А потому государь вполне может пойти на это.

Михаила Пантелеймоновича такой исход устраивал только в одном-единственном случае – если во главе объединенного министерства встанет он сам...

Это будет власть! Власть не прямая, окольная, но оттого еще более основательная. Что военные? У них реальных оснований для обретения власти в своих руках нет. Разве что мятеж поднять. Но мятеж – дело незаконное, диктатор немедленно столкнется с противодействием правителей иных галактических держав. Как минимум – Великого Мерканского Ордена... А скорее всего – и других. Много найдется желающих урвать от Росской империи кусок! Вцепятся и будут грызть, пока диктатор не уйдет со сцены. На тот свет... Так что военное диктаторство – власть призрачная, хоть и подкреплённая силой армии.

А вот если у тебя компромат имеется – на всякого, кто способен оказаться конкурентом на место у кормушки, – вот это уже власть. Так что объединенное МИБ-МВД – это дар божий для его руководителя!

И потому следовало продолжать рыть землю. Но копать теперь не столько под заговорщиков, сколько под графа Толстого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.